

АЛЕКС ДИВЕР

**УДАЧА НАМ
ПРИСНИТСЯ
ЗАВТРА...**

Алекс Дивер
Удача нам приснится
завтра... Все может быть...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30797064
ISBN 9785449052834*

Аннотация

Когда привычный мир рушится на глазах... Просто иди вперед. Может быть, это единственный путь к звездам и к самому себе... Все может быть...

Удача нам приснится завтра... Все может быть...

Алекс Дивер

© Алекс Дивер, 2018

ISBN 978-5-4490-5283-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к моей книге

*Удача нам приснится завтра,
Сегодня нам всем не уснуть,
Сегодня в бой уходим в завтра,
А завтра нам приснятся пусть
Дома, поля, родные лица
Удача пусть вам всем приснится,
Сегодня пусть вам всем приснится,
А завтра пусть приснится нам,
И если нам она приснится
Знать, мы не зря пошли на принцип,
Уйдя туда, где нужно биться*

За то, чтоб снилась она вам...

База №333. 14 сентября 2016 г.

03:02. Время орбитальное.

Радиоперехват спутников РУСНАСО

- Эрик, как слышишь меня? Прием.
- Первый, слышу хорошо. Прием.
- Твоя точка? Прием.
- Второй этаж пиццерии «Валенсия». Прием.
- Состав группы? Прием.
- Один. Прием.
- Остальные? Прием.
- 200. Прием.
- Скинь тепловизор. Прием.
- Повтори. Прием.
- Тепловизор выкинь нафиг. Прием.
- Выполнил. Дальше. Прием.
- Что видишь? Прием.
- Да ни... не вижу! Прием.
- Не психуй. Отблески видишь? Прием.
- Точнее. Прием.
- Бликует металл при Луне. Видишь? Прием.
- Три цели, север, северо-восток. Прием.
- Бей по ним. Они тожедохнут. Удачи! Как понял? Прием.
- Выполняю. К черту!

База №333. 14 сентября 2016 г.

03:16. Время орбитальное.

Радиоперехват спутников РУСНАСО

– Первый, вызывает Эрик. Прием.

– Первый. Прием.

– Их больше сотни. Страшные, черти, нодохнут. Боекомплект на 5 минут. Цель порядка ста единиц. Вызываю огонь на себя. Координаты... получи, сука!.. у вас есть. Сделайте их. Прием.

– Запрашиваю подтверждения. Прием.

– Работайте. Удачи, парни. Все. Отбой.

База №333. 14 сентября 2016 г.

04:02. Время орбитальное.

Радиоперехват спутников РУСНАСО

– Первый, вызывает Мастодронт. Прием.

– Первый. Прием.

– Окружили раненого недобитка в районе хлебопекарни.

Инструкции. Прием.

– Оказать первую помощь. Отпустить. Прием.

– Продублируйте. Прием.

– Оказание первой медпомощи. Отступление. Прием.

– Первый, без вертушек нам не уйти. Их здесь сотни. При-

каз выполняю. Прием.

– Первый, это Обелиск. Мастодронт 200 при оказании

первой помощи. Недобиток вне зоны поражения. Вызываю

огонь на себя. Удачи, парни. Отбой.

– Обелиск, вакцина введена? Прием.

– Парни-и-и, меня сейчас порву-у-ут! Огонь на меня!
Первый, да, введена. Но лучше б ты не видел, как. А-А-А!
ОГОНЬ, ...!

База №333. 14 сентября 2016 г.

12:25. Время орбитальное.

Радиоперехват спутников РУСНАСО

– Первый, вызывает Белый 1. Прием.

– Первый. Прием.

– Все чисто. Прием.

– Конкретнее. Прием.

– Враг не обнаружен. Прием.

– Что видите?

– Я не понимаю. Есть локальные разрушения. Следы пожаров. Повторяю, присутствия врага не наблюдаю. Прием.

– Положение блокировочных заслонок домов? Прием.

– Положение вверх. Прием.

База №333. 01 сентября 2016 г.

Артем

Привет! Сегодня 1 сентября, и я решил начать вести свой личный дневник. Нечто подобное делает, по моему мнению, все население нашей базы. Итак, немного о себе. Зовут меня Артем Апрелов, и мне четырнадцать полных лет. Я ученик 9 класса, и сегодня снова после каникул иду в школу. Все

лето мы с братом Сашкой, 16 лет, провели у родственников в Сочи. Оторвались по полной. У меня был бурный романец с тверчанкой Викой. Она была старше меня на три года, но это не помешало нам перед ее отъездом сделать «все как надо». Я обещал ей написать, но с Базы это сделать просто нереально. Почему? Об этом позже. И сдается мне, она бы и читать не стала. Так что я теперь Мужик! Интересно, первый в классе или еще мачо после каникул найдутся? Хотя, по большому счету, приврать еще никто не отменял. Ну и бог с ними.

Я сын кадровых военных. Отец, Виталий Арсеньевич, полковник, это я точно знаю, а вот чем он там, на службе, занимается – для меня до сих пор загадка. Но не воюет, это точно. Хотя стрелять умеет. С двенадцати лет мы всей семьей в тир ходим. Здесь это разрешено. Я бы даже сказал приветствуется. Так что умеет, и очень даже неплохо. Мама, Наталья Викторовна, старший лейтенант, чем занимается имею лишь смутное представление. По-моему, медицина какая-то. Но стреляет тоже ого-го. Старший брат Александр. Ну, это вы уже поняли. Ученик одиннадцатого класса. Как мне кажется, чересчур косит под взрослого. Уже два года сохнет по своей однокласснице. Временами, как мне кажется, та отвечает взаимностью, но ненадолго. У него есть заклятый конкурент на любовном фронте, Витек Ерофеев, по совместительству лучший друг. Прямо мыльная опера какая-то. Короче, жизнь у них там прямо-таки бьет

ключом. Разводным. По голове. Что еще о нем сказать? Парень он простой, веселый и покладистый. Характер взрывной, но быстро отходит. И если отбросить мелкие разногласия, мы неплохо ладим.

Городок наш, то есть База №333, небольшой. Численный состав, по моим прикидкам, тысяч тридцать. Точного расположения на географической карте не знаю. Со всех сторон окружен лесистыми горами и забором ограждения по периметру. Забор ограждения находится под постоянным наблюдением и патрулируется дено и ношно. Замыкается он с двух сторон на огромном лабораторном комплексе, который напрямую примыкает к штольням. Что такое штольни? О, это отдельная песня!

А вообще места у нас красивые. Зеленая равнина, окруженная горами, – это что-то. Есть свое озеро. Не океан, конечно. Купаться можно, но вода имеет горьковатый привкус. Отец говорит, из-за минеральных источников на дне. Они имеют какой-то там особо заумный химический состав, который и придает воде такой привкус. Озеро глубокое, точной цифры не скажу, но слышал, что очень даже. Года два назад отец рассказывал, что База расположена на дне воронки от упавшего в незапамятные времена метеорита. Это ж какого он должен был быть тогда размера? Это ж тогда Земля по принципу бильярдного шара с орбиты в лузу космоса улететь должна была. Нет, я в это не верю категорически. Может, на дне потухшего вулкана? Да оно, по большому счету,

и неважно.

База строго засекречена, но увидеть с высоты ее можно. При подлете металлические шторы иллюминаторов самолета приподнимаются, и смотри не хочу. Но хотят все. База представляет собой правильный шестиугольник, где одна из сторон – лабораторный комплекс. Хотя никто из нас, школьников, не знает, чем там занимаются, название прилипло. Отец и мама работают там. Они называют его «кротодом». Ну да и ладненько, с топографией разобрались.

Население делится на две большие части. Собственно, это военные и горные рабочие, ведущие выработку штолен за «кротодомом».

Условия проживания сильно разнятся. Военный квартал состоит из отдельно стоящих двухэтажных домов, рабочие же живут в трехэтажных таунхаусах, по четыре квартиры в каждом доме. Но, по-моему, никто не в обиде.

Учимся мы все в одной школе, и между нами нет никаких различий. Ну кроме как по половому признаку. Это я к тому, что Сашкина подружка – дочь горняка. Мы ходим друг другу в гости, празднуем в одних ресторанах, играем в одни игры, любим и ненавидим по обоюдной взаимности.

А вот наблюдать за вновь прибывшими бывает очень смешно.

Кстати, чуть не забыл! Как только нам исполняется 18 лет, нас отправляют на Большую землю. Продолжать учебу в универе, к родственникам или куда душе угодно. Остаться мож-

но лишь в одном случае. Пойти на службу в гарнизон охраны. Но требования у них там такие, что легче в МГУ поступить.

Ладно, что-то я отвлекся. В городе есть все. Магазины, мегамаркет, огромный развлекательный центр, различные спортклубы и т. д. и т.п., как говорится. Но есть и жесткие ограничения. Например, Интернет у нас какой-то резаный. То есть скачивай что хочешь в любом объеме или на что денег хватит. Играй от пуза. А вот обратная связь... Skype отсутствует, как будто его и в природе не существовало. Переписка в любых соц. сетях: от вечного как мир Вконтакте до чумового «После Армагеддона» – контролируется жесткой цензурой. Любое упоминание о Базе режется нещадно. Как они это делают, для меня загадка. Любые фотографии тоже в корзину. Не нравится? Сиди во внутренней Сети. Там разрешено все. Частенько мы так и делаем.

Ну что бы еще такого написать? Думаю, для стартовой страницы хватит.

Пока, дневник, встретимся после школы.

**Институт Аномалий Пространства и Человека
Выдержка из дневника. Москва, 16 декабря
2014 г.**

Апрелов Виталий Арсеньевич

В тот памятный мне зимний вечер я задержался на кафедре института допоздна, сверяя выплески аномальных излучений над кратером вулкана Попокатепетль в Мексике и над поверхностью Индийского океана в районе Яванского жело-

ба. На первый взгляд, между ними не было ничего общего. Но интуитивно я чувствовал – это не так. Ведь именно после всей той свистопляски, которую нам устроила природа в том году (да-да, не в 2012, а в 2013 – не конец света, конечно, но все же), люди стали больше верить различным прогнозам. Даже если эти прогнозы шли в разрез с канонами общепринятых физических законов. А интуиция – это, по сути дела, та же физическая величина, просто пока не просчитанная математически. Как, собственно, и другие выплески энергии человека, не принятые официальной наукой, а потому аномальные. Или паронормальные. Какие угодно, но только не нормальные. Только вот норма у каждого своя, а платить за неверие пришлось тогда всем. Именно после этого сформировали наш институт. Только после этого. Хотя чему тут удивляться? Человек по природе своей – существо недоверчивое. А как же иначе. Все, что не могу пощупать руками, иллюзорно! Вот, например, огонь жжет руку, нечистоты раздражают нервные рецепторы органов обоняния. А какие рецепторы раздражает интуиция? Как пощупать дар предвидения?

Интуиция... Я верил своей интуиции. Но и ей нужен отдых. А для этого нужно было переключиться и занять свои мысли чем-то другим. Например, приготовлением кофе. Скажу честно, я не кофейный гурман, но и растворимое пойло за кофе не считаю. А потому имел в своем распоряжении компактную кофемашину. Залив в танкер воды, я, ожи-

дая ее подогрева, всыпал во встроенную кофемолку порцию кофе в зернах, остатки аккуратно запечатал и убрал в специальный контейнер. После всех катаклизмов сей напиток стал ой как недешев. И когда наконец кофе зажурчал в чашку, а я уже набил табаком трубку в предвкушении никотино-кофеинового кайфа, в приоткрытую дверь заглянул вахтер Аркадич.

– Виталь Арсеньевич, – посмотрел он на меня, по-стариковски щурясь, – Вас очень настойчиво просит принять посетитель. Военный какой-то, – Аркадич осторожно оглянулся и, видимо, не увидев никого поблизости, заговорщицки подмигнул мне и зашептал: – А мож, гнать его в шею? Это я в сей минут организую! Вы только намекните! – и уже на весь коридор: – Ну так как, пропускать, а то рабочий день-то да-а-в-но уж закончен? А тут все ходят и ходят! Рабочему человеку отдыху не дают!

Я на секунду задумался, прислушиваясь к своим ощущениям. Раздражения не было. А вот какой-то дикий и неоправданный интерес уже шевелился где-то там, в груди. Это кому ж я так понадобился в двенадцатом часу ночи, что и здесь нашли? Я махнул рукой. Аркадич скрылся за дверью. Капля коньяку в кофе мне не помешала, и, сделав ароматный глоток, я уселся в кресло и раскурил трубку.

Интересно, если бы я знал тогда, что эта встреча изменит всю мою жизнь, смог бы отказаться? Думаю, что нет. В дверь негромко постучали. Я сказал: «Войдите!» – и снова пых-

нул трубкой. На пороге появился мужчина лет сорока с коротким ежиком седых волос, веселым прищуром карих глаз и в военной форме без знаков различия. Во всяком случае, мое первое впечатление о нем было именно таким. Или это память немного играет со мной? Мужчина аккуратно прикрыл за собой дверь, подошел к столу и, протягивая мне руку, представился:

– Полковник Чадов Сергей Львович.

Я пожал руку.

– Ну, мое имя Вам наверняка известно, Сергей Львович. Позвольте узнать, чем обязан столь позднему визиту? И кстати, а Вы полковник какого рода войск будете, можно полюбопытствовать?

Полковник улыбнулся.

– Видите ли, Виталий Арсеньевич, я пока не могу сообщить по определенным причинам, какую организацию я представляю, – Сергей Львович на секунду задумался, – но могу гарантировать Вам, что полковник я настоящий. Можно присесть? Спасибо. А теперь к сути моего столь позднего визита. У нас к Вам есть предложение, которое, мы надеемся, может Вас заинтересовать. Поверьте, после положительного ответа Вы получите более исчерпывающую информацию. Мы понимаем, что для принятия решения Вам потребуется время. Для этого мы готовы предоставить Вам... – полковник прищурил глаза и сделал три окружности указательным пальцем по воздуху, – скажем, трое суток, и...

– Позвольте! – От возмущения я поперхнулся дымом. – А почему не три минуты?! И о каком решении может идти речь? Я категорически Вас не понимаю. Вы приходите в мой кабинет поздней ночью, говорите загадками и смеете просить меня о принятии каких-то радикальных решений! Да кто Вы вообще такой? Кого Вы представляете?! – Я не заметил, как сорвался на крик.

Незамедлительно приоткрылась дверь и появилась заинтересованная физиономия Аркадича. Одно ухо у него было гораздо краснее другого, из чего я сделал выводы, что позицию «всеслышащее дверное ухо» он не менял. Особо не смущаясь, старый боец конвойных служб предложил:

– Виталий Арсеньевич, а может, его того?! – и неопределенно качнул головой в неизвестность. – Я проверил, он здесь один...

Мне стало смешно. Ага, как же, проверил, аж ухо об дверь отдал. Однако вслух сказал другое:

– Спасибо, Аркадич, лишнее это. Мы тут еще немного общаемся, а потом и проводишь нашего гостя. Лучше дровишек с заднего двора принеси мне для камина, а то, сам видишь, одни угли чахлые остались.

Аркадич встрепенулся.

– Это мы сей момент организуем! Ну конечно, сей минут!

Я снова улыбнулся про себя. А то я не знаю, что на соседней пилораме твой закадычный дружок детства заправляет. Такой же динозавр, как и ты. Знатный самогонщик со ста-

жем. И пока ты не снимешь пробу с сегодняшней продукции на экспорт, обратно тебя ждать не стоит. А может, и вообще не стоит. Ну да как бы там ни было, час без твоего присутствия, Аркадич, мне обеспечен. Сторож неуловимо исчез, а на меня навалилась непонятная легкость. Благодарю такое. Я вопросительно посмотрел на визитера.

– Ну так как, Сергей Львович, поговорим откровенно? Какое у Вас ко мне предложение?

Полковник на пару секунд задумался. Выбил пальцами дробь на столе и как-то хитро, по-лисьи посмотрел на меня.

– Хорошо, Виталий Арсеньевич, давайте так. Я вкратце объясню Вам суть нашего предложения, при условии, что все здесь сказанное здесь же и останется. Кстати, мне понравилось, как Вы отшили Ваше Большое Ухо. Было весело. Но, надеюсь, Вы не думаете, что это раритетное создание – единственное устройство для прослушки Вашего кабинета?

– Нет, конечно. – Сейчас я почувствовал гордость за свой отдел безопасности. – Мой кабинет дважды в день проверяется на наличие любой враждебной аппаратуры, и поверьте мне, он чист!

Посетитель покивал головой, соглашаясь, как мне показалось с моими доводами. Улыбнулся каким-то своим мыслям, а потом вскинулся и посмотрел прямо мне в глаза.

– А знаете что, Виталий Арсеньевич, давайте так. Если я Вам докажу обратное, мы выпьем с Вами по чашечке коньяка и по рюмочке кофе, а после Вы меня внимательно выслу-

шаете. Договорились?

Сначала я снова чуть не сорвался на крик от такой наглости. Но что-то меня удержало от этого поспешного шага. Может быть, смешливые, вызывающие искорки в глазах собеседника? Или все-таки мое неумное любопытство, замешанное на интуиции? Хотя, если откровенно, интуиция просто кричала: «Гони его!». Однако я кивнул, соглашаясь. Все-таки любопытство – страшная сила. Именно оно сделало меня таким, какой я есть.

– Давайте попробуем, – вот и все, что сказал я, чуть помедлив.

Полковник опять как-то грустно улыбнулся.

– А знаете что, профессор, я в очередной раз убедился в том, что наш аналитический отдел не зря ест свой хлеб.

– Это Вы о чем? – сразу подобрался я.

Полковник хмыкнул.

– Нет, определенно, Вы очень интересный человек. Вы же не думаете на самом деле, что я пришел к Вам сюда, в центр паранаучной мысли – не технологий, заметьте – без предварительной подготовки? Не разочаровывайте меня, профессор. Ну да ладно. Да, наши психологи решили, что Вы игрок. Латентный. Слабо выраженный на людях. Но ОЧЕНЬ азартный. – Полковник прищурился. – Нет, Вам не нужны деньги или другие ценности в обычном понимании этого слова. Вы информационно зависимый маньяк.

– Я очень рад за ваших аналитиков. – Я просто физически

чувствовал, что еще чуть-чуть – и я не смогу себя контролировать. – Если Вы не скажете что-либо для меня интересное в течение двух минут, я настойчиво попрошу Вас удалиться!

– Точно! – Полковник почти радостно потер руки. – А еще легко возбудимый и подверженный неконтролируемым эмоциям! Вот же мозгоеды!

Полковник замолчал и очень внимательно посмотрел мне в глаза. – А теперь о главном. Можно я закурю?

– И это главное? – Я невольно хмыкнул. – Курите.

Полковник не спеша достал портсигар, отщелкнул крышку и протянул мне.

– Угощайтесь, профессор, очень рекомендую! – И снова эта ироничная и чуть грустная улыбка.

По инерции я хотел отказаться, напомнив аналитикам полковника, что курю только трубку, но поперхнулся воздухом. Сигарет в портсигаре не было вовсе. Все внутреннее пространство занимал экран. На нем довольно схематично был прорисован мой кабинет. И в нем пульсировали три рубиновые точки. Окно же целиком затянула рубиновая пленка. Я только открыл рот задать вопрос, как полковник резко приподнялся, покачал головой и приложил указательный палец к губам. Так же быстро вытащил из торца портсигара наушники, один вставил себе в ухо, второй предложил мне. Еще не до конца все понимая, я последовал его примеру.

После этого полковник взял со стола мою визитку, вытащил ручку и на обороте написал: «Экран сенсорный. Нажми-

те на любую из точек». И снова прижал палец к губам, призывая к молчанию. Я пожал плечами, но все же молча нажал на красную пелену на окне. Сначала я ничего не услышал кроме невнятного шороха. Так шуршат опавшие листья при слабом ветре. Потом где-то вдалеке, как мне показалось, кто-то негромко кашлянул. Уже через минуту я решил, что мне это показалось. Я вопросительно посмотрел на полковника. Тот, видимо, все понял и с усмешкой громко сказал, глядя мне в глаза:

– И вот же гадство, профессор, зажигалка моя издохла. Не угостите своими спичками?

Я не знал, что и думать. Полковник все больше превращался для меня в тихопомешанного. Я уже начинал жалеть, что так надолго отправил Аркадича. И тут по спине у меня побежали мурашки. А все оттого, что наушник в моем ухе ожил и чей-то голос вполне внятно прохрипел:

– Ну слава мутному стакану! Они огонь искали. Бакланы молчаливые. Я уж, грешным делом, всякое успел подумать. Думал, ноги страусиные нарезали от нас...

– Кривой, почему «ноги страусиные», это новый пароль?

– Дурак ты, Сивый, и папа у тебя Буратино! Страусиные – потому что страусы поболее других птиц разрешают охотникам себе под хвост заглянуть!

– А чего они там не видели?

– Ну ты чо, совсем отмороженный? Я думал, ноги они от нас сделали и подхвостную пещеру нам показали!

– Кривой, я не понял, кто ноги сделал. Страусы? Уходим в пещеры? Давай координаты. Оно и верно, а то я здесь себе уже геморрой заработал, да и жрать охота.

– Да иди ты, Сивый, знаешь куда...

– Принимаю координаты. Только диктуй помедленнее, а то я записываю, а карандаш почти не пишет. Диктуй!

– Да иди ты в пещеру. Повторяю. Под хвост страусу. – Дальше шло невнятное злостное бормотание.

– Записал. Когда выдвигаемся?

– Ну ты и дебил...

– Кривой, я не понял, почему «дебил», это новый пароль? А как же «ноги страусиные»? Ты слишком часто меняешь пароли. Я не успеваю!

– Заткнись, дебил!

– Пароль подтверждаю!

– У-у-у!

– Ты ранен? Вызвать подмогу?

Я вытащил наушник из уха и вопросительно посмотрел на полковника. Тот повторил мое действие и снова призвал жестом к молчанию. Потом развернул портсигар к себе, что-то нажал на дисплее и снова показал экран мне. На нем пунктиром была проложена дорожка в лаборантскую. Полковник, взяв мою визитку, черкнул на ней всего два слова: «Там безопасно» – и кивком головы пригласил на выход. У меня было двойное чувство. Хотелось одновременно и послать его...

в «пещеру страуса», и все-таки узнать, что все это значит. Пересилило второе. Правы его неизвестные мозгоправы, я очень азартный и алчный игрок, если на кону информация. Я пожал плечами и кивнул.

Полковник встал, оглянулся на меня и напрямиком направился в кабинет лаборантов. Ну а я – а что я? Я направился за ним. И в этой атмосфере шпионской таинственности меня не ко времени начал разбирать смех. Просто таки рвать на части. В какой-то момент я, по-моему, не сдержался и как-то глупо хрюкнул в кулачок. Сергей удивленно обернулся, кинул взгляд на меня, кивнул чему-то своему и так же молча продолжил путь.

Когда за нами закрылась дверь лаборантской, Остапа понесло. То бишь меня понесло, прорвало и унесло.

– И что это было, полковник? К чему этот спектакль двух актеров-недоумков? Хотя почему двух? Мы тоже участвуем в этой постановке! И если мы молчали все это время, то, наверное, лишь потому, что режиссер сей комедии побоялся написать для нас текст по причине нашей бездарности!

Полковник хмыкнул.

– Какая экспрессия! – Из кармана он достал пачку сигарет, не спеша вытащил одну, немного помял ее пальцами и также не спеша прикурил от зажигалки в виде патрона. – Аплодисментов ждете, профессор?

– Здесь не курят, – уже гораздо спокойнее сказал я и оперся плечом на стену.

– Ага, как же! – Полковник зажмурился, выпуская дым в потолок. – Не лукавьте! Вам, профессор, прекрасно известно, что курят, только включают вон те большие вытяжки. – Полковник махнул рукой в сторону многоступенчатой минитурбины.

– Ну, положим, – мне этот бессмысленный разговор стал порядком надоедать, – я об этом знаю. Я даже не спрашиваю, откуда это знаете Вы. Я все же повторю свой вопрос: что все это значит?

– А сами Вы как думаете, профессор? – полковник пододвинул к себе один из стульев, развернул его, уселся, положив руки на спинку и упершись в них подбородком, вопросительно посмотрел на меня.

– Я думаю, что пора прекратить играть в загадки и Вам следует озвучить цель своего столь позднего и неожиданно-го визита. А начать стоит с того, кто эти люди, что следят за моим институтом. И, если можно, побыстрее и покороче, а то уже очень поздно, и я опасаюсь, что моя семья будет переживать.

– Упс. А покороче, Виталий Арсеньевич, боюсь, не получится. Придется начать издалека. – Полковник выпрямился на стуле. – Но, уверяю Вас, время, потраченное сейчас, не окажется для Вас потерянным.

– Хотелось бы верить. Да, а кстати, – я аж встрепенулся от пришедшей мне в голову мысли, – почему это мы здесь можем разговаривать спокойно? Здесь нет прослушки?

– И да, и нет. – Полковник на секунду задумался – Как бы Вам попроще объяснить... Значит так. Наши ушастые друзья сейчас с завистью слушают симфонию нашей с Вами беспробудной пьянки. Со всеми вытекающими, – Сергей широко и открыто улыбнулся. – Тосты, треп ни о чем и так далее. – Видя, что я что-то хочу спросить, полковник поднял ладонь в упреждающем жесте. – Вижу, у Вас много вопросов. Но как это работает, я, честно, не знаю. Здесь у вас вчера наши технари покопались да и установили кой-какое оборудование...

– А я где был в это время? – неделанно удивился я.

– А я почему знаю? – так же искренне удивился полковник. – Спали, наверное. Ночью это было. Да и потом, по большому счету, неважно это. Установили? Молодцы! Теперь вот мы с Вами можем пообщаться в приватной обстановке. Да, и еще одно: не спрашивайте, почему я не пришел к Вам домой, почему Вас тупо не похитили и много таких почему. Будет время на досуге, сами поразмышляете.

Знаете, Виталий Арсеньевич, я, наверное, плохой оратор, больше человек действия. Поэтому постараюсь кратко изложить факты. В начале этого года группа геодезистов отправилась в определенный район, гм-м, скажем так, земного шара. Цель – картографическая съемка после катаклизмов 2013 года, добыча образцов пород из новообразований. Как Вы знаете, указом президента с этого года в состав любой экспедиции включен специалист вашего профиля.

Я кивнул, с интересом ожидая продолжения.

– На одном из участков их заинтересовал глубокий разлом земной коры и выбросы породы вокруг него. При проведении работ по изъятию образцов породы произошел крупный обвал, лишь по чистой случайности не похоронивший под собой всю группу. Тем не менее из состава экспедиции уцелело три специалиста. В том числе вашего профиля. Именно он, отойдя от первого шока, вызвал спасателей.

Но не это главное. На срезе оползня он разглядел новообразование, до этого скрытое толщей породы. Рискуя жизнью, он подобрался как можно ближе и сделал снимки, которые не мешкая отправил по спутнику в единый центр. Вот они.

Капитан расстегнул папку, положил передо мной три фотографии формата А4. Явно над снимками поработали специалисты, но качество изображения все равно заставляло желать лучшего. Поэтому, перелистав фотографии в первый раз, я ничего не увидел. Капитан между тем продолжил.

– Поймите, снимки сделаны издалека, из неудобной позиции. Но все-таки обратите ваше пристальное внимание на левый верхний угол.

Я извлек из стола лупу и стал придирчиво изучать рекомендованную область. Что-то там было, но толком все равно не разобрать.

– Нет, не вижу. – Я отодвинул фотографии. – Слишком расплывчато.

Полковник улыбнулся.

– Вот и мы поначалу не разобрали. – Он залез в сумку

и достал еще три фотографии. – А это то же самое, но после долгой обработки на компьютерах.

Я взял протянутые мне листы и ахнул. Из толщи породы проглядывал почти целый скелет существа. Но какого! Я схватил лупу и с жадностью стал поедать взглядом изображение. Существо явно гуманоидного типа: две руки, две ноги, голова одна. Руки трехпалые, на концах что-то похожее на загнутые когти – какой длины, не зная масштаба, определить невозможно. Три локтевых сустава. Поехали дальше. Ноги непропорционально длинные, насколько было видно, тоже трехсуставные. Основания ног не было видно, скрывала порода. Так, теперь голова. Видна частично. Огромные проемы глаз и какой-то выступ под ними. Больше ничего не разобрать на первый взгляд.

– Уф! – Я откинулся на спинку кресла и посмотрел на полковника. – И кто или что это?

Полковник улыбнулся.

– Вы рано отодвинули фотографии, Виталий Арсеньевич. Мы тоже не сразу увидели и поняли. Посмотрите внимательно, под левой рукой, где-то на сантиметр вниз.

Я снова схватил лупу и согнулся над фотографией. И снова шок. Если компьютерщики не перемудрили со своими программами, то был четко виден пистолет. Или что-то очень напоминающее его по форме.

Я вытер выступивший пот ладонью. В голове одновременно крутились десятки вопросов, но полковник начал пер-

ВЫМ.

– Вижу, Виталий Арсеньевич, Вас это заинтересовало. Скажу сразу: операции присвоен высший приоритет секретности. А потому на дальнейшие Ваши вопросы я отвечать не имею права. Но, как я уже говорил, в случае согласия на участие в операции Вы получите всю исчерпывающую информацию на данный час. Скажу лишь одно: то, что Вы сейчас увидели, только начало. Продолжение куда как интересней. И Вы нам можете очень помочь. В случае Вашего согласия Вы, по желанию вместе с семьей, перемещаетесь на некую Базу. Поверьте, там созданы все условия для комфортного проживания, работы и учебы. Скажу больше, намного более комфортные, чем те, в которых вы проживаете сейчас. С собой разрешено взять личные вещи из расчета 50 килограмм на человека. Предупреждаю сразу, операция может затянуться. Возможно, на несколько лет. Более подробно Вы узнаете обо всем в случае Вашего согласия. Напомню лишь, что на принятие решения мы можем выделить Вам не более трех суток. Вот моя визитная карточка.

Полковник встал и протянул мне визитку.

База №333. 01 сентября 2016 г.

Александр

Привет, дневник. Вот мы и встретились снова. Ты же не обижаешься, как всегда, что я не взял тебя с собой на Большую землю? Ты знаешь, что твое путешествие закончилось бы, не успев начаться. На пункте досмотра перед

взлетом. А оно нам с тобой надо?

Ты спрашиваешь, как я провел лето. Я бы сказал, неплохо. Артем чудил по-черному. Было забавно смотреть, как братишка взрослеет. Я же оброс новыми знакомствами, случайными интрижками, да и просто балдел от моря. Но очень скучал по Танюшке. Знаешь, там воздух какой-то особый, ласковый, что ли, каждый вечер приносил ее образ. Я забирался на скалу в одном мне известном месте, ну это я так думаю, и смотрел, как солнце опускается прямо в море. И было чувство у меня такое, будто бы и не один я вовсе. А сидит рядом Танюшка, и мы вместе вдыхаем этот воздух и вместе щурим глаза, смотря на совсем уже не яркое, красновато-дымчатое из-за облаков солнце.

Нет, мы, конечно, общались по скайпу, чатились. Но не то это все, не то. И вот сегодня мы увидимся. Я привез ей огромную корзину фруктов из своего сада. Где б она в Москве таких поела. Там сплошная гидропоника.

Интересно повидаться с Виталиком. Этот хмырь все лето в своем Приуралье искал сокровища и фигню разную. Затесался в отряд таких же конченных авантюристов, и вперед. Изредка выходил на связь. Выглядел – эдакий Индиана Джонс. Кожаный пиджак, кожаная шляпа и металлоискатель на плече. Фраер, блин. Поди перед каждой связью по полчаса где-нибудь у озера свое отражение мучил. Каждое озеро – выход на связь. Нет озера – нет связи. А то, не дай бог, Танюшка увидит, что рожа опухла от гнуса. Ладно, сегодня

увидимся.

Думаю сегодня после школы завалимся в центральную штольню. Посидим наконец-то все вместе. Интересно, с кем Танюха присядет рядом, со мной или с Виталиком? Скорее всего, как всегда посередине. От ревности аж кадык сводит. Но мы же никому об этом не расскажем, да, дневник?

Вот блин, чуть не забыл. Сегодня же посвящение Артема в наше гномье царство. Может, Татьяна составит мне компанию по просвещению новообращенного? Она бы все рассказывала, показывала, а я бы просто смотрел на нее. С меня пещерные страшилки и правила. Ну уж очень мне хочется посмотреть на нее, когда она будет показывать Грот Надежды и рассказывать о правилах его посещения! Попробую с ней договориться. Решено.

Пока, дневник, еще увидимся.

База №333. 23 октября 2015 г.

Выдержка из дневника.

Александр

Военные думают, что их хваленный периметр безупречен. На самом же деле дырявый он, как решето. Как мы ходим в заброшенные штольни? Элементарно. Достаточно понаблюдать, как горняки бегают из забоя в город, и проход до штолен как минимум до следующей выработки открыт. Горняки же хитрые, как лисы или кроты. А кроты хитрые? Наверное, хитрые, если столько геморроя умудряются даже слепыми доставлять. Неважно. Важно, что при закладке но-

вой штольни горняки тут же закладывают ходы отступления в город. Втихаря. Как минимум три. А бывает, что и все пять. Вот тут не зевай. Рисуй, запоминай. И тогда проход к штольням открыт минимум на полгода. А может и больше, в зависимости от протяженности штольни. И чего они там все-таки роют, а нарыть не могут? Периодически их ловят, штрафуют. Но на то и запасные ходы.

Мы же весьма активно используем заброшенные штольни. Зачем? А вы когда-нибудь жили в атмосфере тотального видеонаблюдения? Нет, не такого, как на Большой земле, три камеры на огромный танцпол дискотеки. А именно тотального. Камеры на всех домах, столбах, магазинах. Сотнями во всех общественных помещениях. Может, и дома есть, я просто не в курсе. А в штольнях нет. Можно спокойно поговорить. Чего греха таить, глотнуть чего-нибудь небольшого. Девчонку обнять, наконец, так, чтобы это не обсуждали в неведомой нам операторской.

Штольни мы обустроили хорошо. Не считая Центральной, было еще три, поменьше. Был свет, запасы еды-воды, который постоянно пополнялся всеми. Была мебель, собранная вручную из разного промышленного хлама. Смотрелось это все а-ля хай-тек. Нам, во всяком случае, нравилось. Была музыка. Даже пара холодильников была. Производственных, правда, но нам они подошли после небольшой реконструкции. Но главное – это были друзья и общение, свободное от взгляда Большого Брата.

Была и еще одна штольня. А в ней был Грот Надежды. Небольшой, метров тридцать в диаметре. Но там было наше личное маленькое озеро с подсветкой. Не более двух метров в глубину и шести в поперечнике. Как оно образовалось, никто из нас не знает. Но было теплым круглогодично. Этот грот вообще не был частью штольни. Просто когда горняки ушли, часть стены забоя обвалилась, а мы это увидели. Проем закрыли дверью. После чего внутри грота всегда было тепло и влажно. Субтропики. Кто-то притащил рулон искусственной травы. Так получился шикарный берег. Мебель собрали. Но самое интересное случилось тогда, когда первый раз включили подводную подсветку. Стены заиграли, засветились как самоцветы. При обычном освещении такого эффекта не наблюдалось. По негласному правилу Грот Надежды можно было посещать только парами. Разнополыми, разумеется. Вся одежда оставлялась в шкафчике при входе. Ну а дальше кому как повезет. Единственное исключение составляли новоприбывшие. В грот их водили на экскурсию, попутно давая вводную о правилах нашего существования во всех штольнях.

Основных правил было три. Будь собой. Цени чужой труд. Внеси свое. Далее шли пояснения. Если ты дома, в школе строишь из себя кого хочешь, то здесь напряги никому не нужны. Будь проще, зла тебе здесь никто не хочет. Все дерьмо оставь за периметром. Твои разборки там. Здесь люди отдыхают. С пустыми руками в штольни не приходят. Еда,

вода, любая мелочь и не мелочь здесь найдут свое место. Если руки не из задницы, это очень приветствуется. Не умеешь пилить, а умеешь рисовать? Отлично! Художники нам тоже нужны. Далее. Весь мусор с собой. Тараканов нет, но и без них мы люди. Туалеты. Три штуки над разломами. Ну и последнее: кто знает, тот придет, остальным ни слова.

Немного о новоприбывших. Основную часть составлял народ, достигший 14 лет. Правило у нас было такое. Меньше нет, больше да. Реже из новоприбывших с Большой земли. Как известно, слухами земля полнится, а пощупать их нельзя. Они тоже что-то слышали, что-то сами додумали... Поэтому для всех них первое посещение штолен – целый праздник. И мы им его устраиваем. Зато после этого они до кончиков пальцев ног проникаются духом штольни. Духом нашего братства. И уже никому и никогда не расскажут, где сидит наше подземное царство.

Теперь, дневник, ты понимаешь, за что мы любим штольни?

База №333. 02 января 2015 г.

Выдержка из дневника

Александр

Что это? Город? Город-колония? Сверху выглядело именно так. Куда мы попали? Вон какая-то машина грузовая чешет. Вояки кругом. Без знаков различия. Точно, попали в переплет. Я так привык, что отец разберется. Пора отвыкать. Спрыгнул на песок и сразу оказался мордой в нем же. Обид-

но, блин. Отпустили. Аккуратно закинули обратно в кузов. Я промолчал, отец хмыкнул, брат заржал как сивый мерин. Мама сделала вид, что ничего не видела.

База №333. 01 января 2015 г.

Выдержка из дневника. Москва, 21 ноября 2013 г.

Полковник

Умирать первый раз было страшно... Страшно – и все... Но я очнулся. Машина лежала на крыше, стекол нет, спасибо, Путин-папа, повис я на ремне. На автомате отщелкнулся, блин-н-н-н, а больно так больно, шел бы Ньютон со своими законами! И где я? Был недалеко от конторы, уехал-то километра на три, может и меньше будет... Видимо... накрылась... укрылась... по факту ЖОПА! А я где? По факту! И почему такая тишина? И дядька вон руками машет. Че-то показывает. Сверху? Где? Ну здравствуй, не молился я...

Умирать второй раз было не так страшно. Я просто ничего не понял.

Не трогайте меня! Да, я живой, ну почти! Девочка, не трогай дядю! Я все-таки открыл глаза... «Ты кто?» На меня смотрела девочка лет двенадцати, баюкая на груди чью-то оторванную руку. Это папа, сказала она, и я умер в третий раз.

Когда я воскрес, девочка никуда не делась. Папа тоже. Папа выглядел по-прежнему так себе, нехорошо. Я велел девочке закрыть глаза, забрал у нее папу и забросил его под со-

седнюю машину. Папа улетел на небо, сказал я ей, но велел тебе быть со мной. Она же почему-то поверила. Поверила, что новый папа – это я.

А мне оно надо? Наверное, надо! Нас двое, и в поле мы даже не воин, а банда.

Что это было? ШОК? Наверное... Мы пробирались среди оплавленных остовов машин. Вокруг нас что-то чадило, кто-то кричал, но не это главное. Я не узнавал этих мест, еще вчера таких знакомых, до каждой выемки на проезжей части. До «проеду с закрытыми глазами». Кто-то плакал, кто-то молился. Мы мародерили. Прозапас и на скорую руку... Мы забирали у мертвых им уже не нужное. Молча. Держась за руки, набивали съестным и разной мелочью сумку, «мечту оккупанта», из исковерканных, мертвых машин. Найдя сумочку эту так же и там же. И не одни мы такие были. Вдруг девочка остановилась и, посмотрев мне в глаза, сказала: «Лада». Я ее обнял: «Сергей, и, как ты помнишь, я твой новый папа». Я еще никогда не видел у детей такого серьезного взгляда. Постаревшего что ли? «Я помню», – ответила она и почему-то пожала мне руку. Seriously так пожала. А душу рвет, калечит, а мои-то где? Как? Что с вами?

А вокруг разлилась, расплескалась гладь водная. С берегами да без краю. А водица потихоньку-помаленьку прибывала. Но уже как-то вяло, не торопясь подняться выше колен. Попахивая не родниками. Откуда, откуда все это?

Интересная штука жизнь. Вот она вроде бы и есть, копо-

шишься на руинах рухнувшего мира, да только и жизнь ее уже не назовешь. Вон кто-то пытается сделать из непонятно чего подобия могил. Которые тут же размываются, проседают и рушатся. Теряя свое время и даря его тем, кто оказался более фартовым, для того чтобы не видеть большой медный таз, накрывший этот мир. А кто-то более прагматичный в это самое время начинает строить свой мир, подчищая барахлишко первых. Человек разумный – это уже не актуально. Человек – шакал, по матери ехидна, попадание в яблочко.

И хотелось бы понять, а что, по сути, произошло. Но информации было ноль с какими-то процентами. Что-то там на нас упало, много раз и мест во много. Радио молчало как белорусский партизан, мобильный Интернет, как и связь, не поддаваясь молитвам, сказали good bye, а телевидение не снилось уже даже дебилам. Как ни крути, мечта Жюль Верна, сколь ты не звезды, поверят во все. Короче, фантастов-провидцев (извращенцев?) было много даже для моего воспаленного воображения.

В самом начале лично для себя я решил тупо добратся обратно в офис. Там жена, а тут раньше было так близко. Просто как-то не верилось, что офиса может и не быть. Фундаментальненько там все было. Собственно, блажен тот, кто... А Лада по объективным причинам была не против. Оставалось понять, как. Ведь не вплавь же, по-чапаевски?! А пехом – так грести несподручно как-то.

Оля, моя старшая дочь, в свои неполные 12 лет пыталась

вежливо доказать мне, что я раритет. Просто ты, на фиг, знай, что 100 рублей – и твой статус в Контакте возрастет на три бала. Какой контакт? С подушкой? Мой? Мой статус возрастет, если на общей корпоративной обедне я, не как все, принесу с собой чего-нибудь вкусенького, чтобы поху-деть, а трехлитровую банку черной икры, чтобы наконец-то потолстеть. Блин, когда-нибудь так и сделаю. Хотя столько завистливых инфарктов на моей совести... Нет! Решил! Так нельзя. Дорого. Только с заинтересованными сокиллерами.

Москва – город на семи холмах. Где твои холмы, Москва?! Сделаем плот из автомобильных покрышек да потихонечку потащим его, как бурлаки на Волге. Точнее, я потащу, Ладу придется посадить на Ноев ковчег. Ей воды уже выше пояса. Потащу, а если глубже станет, буду толкать вплавь. Слава богу, крокодилов, пираний да прочей нечисти серьезнее пиявок в наших широтах не водилось. А в водяных с русалками я не верю. Есть, конечно, кое-какие опасения по поводу чистоты воды. Сдается мне по характерному виду и запаху, канализация не прибавила ей полезных минеральных свойств. Но я пока не видел других путей достижения поставленной цели. Я бы выдвинулся немедленно. Но уже прилично смеркалось. А плыть в темноте по непонятно чему, непонятно как и куда? Я ж не Рембо Джон, так себе, тихо шизанутый россиянин средней полосы. Отягощенный синдромом Москвы и Московской области. Офисная крыса, если в общем. Спать, есть и хоть какого-то тепла хотелось

просто невыносимо. В любой последовательности. Первый мандраж уже отпустил, адреналин схлынул, и навалилась какая-то просто нечеловеческая усталость. Я даже представить боялся, что ощущает Лада. А вот решать нужно было что-то, и, желательно, как можно скорее. Мысли текли как-то вяло, опять же, то ли усталость давала о себе знать, то ли общее переохлаждение (побудь полдня в довольно нетеплой воде!), плюс голод, а может суммарно, но мозги явственно скрипели. Я думаю, слышно было. Итак, что мы имеем. Я стоял и смотрел на полуразрушенный корпус какой-то там мануфактурной фабрики времен раннего СССР и прикидывал шансы на тихий ночлег. Того крыла, которое в аренду сдавалось под что-то там клубное под названием «Завод», не было и в помине. Нет, были какие-то остовы-руины, но не более того. Прямо передо мной высился наполовину уцелевший какой-то бывший цех. Или я так думал, что бывший. Нет уж, точно бывший. Во всяком случае магазин обуви на первом этаже уже никто откапывать не будет. Собственно, как и развалины половины этого цеха. Но половина-то уцелела. И на первых трех этажах я вижу отблески огня. И это не пожар. Отблески очаговые, посекционные. Это значит что? Это значит, что люди там отдают дань божеству Огню и брату его Теплу. Казалось бы, вот оно. Но. Но возникало как минимум два злобовечерних вопроса. Первый – что за люди и как обрадуются нам? Я посмотрел на Ладу, но она уже спала на нашем надувном острове имени мародеров. В принципе,

из разбитого в хлам джипа у мощного, как медведь, и мертвого, как Ленин, мужика я прихватизировал какой-то пистолет не известной мне по отечественным сериалам модели. Даже запасная обойма в кобуре была. Но стрелок, как и боец, из меня просто аховый. Нет, с механизмом я разобрался, да и в упор не промахнусь. А дальше? Все мое боевое прошлое заключалось в трехмесячных курсах зеленого лейтенанта. Автомат, пистолет с горем пополам разобрать-собрать смогу (не новые модели, конечно. Я о них вообще ни слухом ни духом, так, из госхрана). Наивысшее мое достижение – стрельба из «Мухи». РПГ-18 то бишь. Из шести четыре положил очень хорошо. Бывалые сказали: талант. Только здесь мне это вряд ли пригодится. Масштаб не тот и условия. И вопрос второй, но оттого не менее интересный. Куда на ночь припрятать честно позаимствованное. Этот груз нам светить до утра совсем не с руки. Пока все на пределе, он, может, никого и не нервирует. А вот как отдохнут, проспят – кушать захочется. И тут мы со своим барахлишком. Завтрак в номер заказывали? Одеться, обуться, побриться не желаете? Мародер-сервис на дому, извольте! Не, так не пойдет. Думай, Сережа, думай. Я стал припоминать, а что еще я видел здесь, проезжая, мельком. Ноги между тем начала сводить какая-то мелкая судорога. Вроде и не особо больно, но коленки подгибаются, а пятки вверх подбрасывает. Трясомандраж какой-то. Медленно повернул голову из стороны в сторону, пытаюсь разглядеть хоть что-то в уже почти пол-

ной темноте. Мелкие отблески костров из пустых глазниц окон скорее мешали, отвлекали, чем помогали. Все, пошло все к черту, будь что будет. Пойдем так, а там видно будет. Сил уже больше нет. Достал из нагрудного кармана губами сигарету, вытер руку о торчащую из какой-то нашей авоськи тряпку и нервно, но с наслаждением закурил. Блин, с этой круговертью часов пять не курил. Голова немного закружилась, ноги на какое-то мгновение стали ватными. Все, надо поесть. Иначе следующая сигарета тупо убьет меня, как лошадь никотин. И как-то мой взгляд зацепился за угол здания. Вот оно. Тогда, года два назад, я ждал кого-то, чтобы сопроводить до офиса. Этот кто-то сильно задерживался. Я вышел покурить и немного размять ноги. Завернул за угол, потом еще раз завернул, ну вы поняли, нужно было «размять ноги». И там стояли три железных гаража. Больших таких. Каждый машины на две с половиной. Легковых, конечно. Так вот, два были очень себе ничего и заперты. А у третьего сохранились только стены и крыша. По-моему, «погорелец» не полный. Я в нем отлично тогда «размял ноги». Ниоткуда не видно, даже сверху, крыша-то худо-бедно цела. Кстати, судя по характерным признакам, не я один там «физкультурой» занимался. Но это и хорошо. Тогда народу мало было, а сейчас, если все по-прежнему, и подавно никого не будет. Значит, аккуратно движемся метров шестьсот к заветной цели. Почти наощупь. Хорошо, у какого-то не особо жадного покойника, мир праху его, берцы снял. А то бы в своих китайских

ботинках уже давно все ноги обо всякий мусор исполосовал бы на портянки. Проходя под окнами торца корпуса, уловил перебивающий все окружающие запахи дымковый привкус жареной колбасы или сосисок. Желудок свело такой резью, что еле устоял на ногах. Рот моментально наполнился слюной. Лада вздрогнула от толчка, все-таки не удержал равновесие, и вскинула голову. Я схватил ее за руку и прижал мокрый палец к губам. Она открыла рот, желая что-то спросить, но все же промолчала. Молодец. Так, медленно волоча перед собой свой надувной плот, мы свернули за угол. О, отрада моих очей! Даже сейчас я уже мог различить, что мой «спортзал» никуда не делся. Осталось немного. Минут через тридцать я уже полуплыл с рюкзаком на спине и Ладой на плечах к крыльцу на заднем дворе, где заметил неприкрытую дверь. Сил хватило только на то, чтобы привязать «барахлоплот» к одной из уцелевших балок у задней стенки. Выудить при свете зажигалки чей-то уже не нужный школьный рюкзак, пустой соответственно, из огромной кучи нашего нового имущества. Положить в него батон колбасы, буханку хлеба, шоколадку и два яблока, привалив по бокам двумя литровыми бутылками негазированной воды и впихнув шесть шампуров (как-никак пятница с утра была, народ на дачу явно собирался) на манер стрел. Вру, конечно. В боковой карман пиханул стограммовую флягу непонятно какого коньяка, а на дно – бутылку водки, прикрыв упаковкой шипучего Аспирина-УПСА. Под мышку все-таки пове-

сил кобуру с трофейным хрен знает чем. Ну и кто нас, бережливых, теперь бережет? Еще метров тридцать до черного дверного проема, а там вопрос может стать риторическим.

На удивление, нас никто не ждал. Сверху были слышны различные мотивы. Смех, вполне определенные стоны, перебранка, но какая-то далекая, на грани восприятия, а у нас тихо. Остановился. Лада сползла с плеч, прижалась. Неудобно. Очень аккуратно передвинул ее за спину. Достал пистолет, дослал патрон в ствол. Вроде по-прежнему тихо. А, собственно, кому здесь суетиться? Это же не вторжение инопланетных пришельцев? Или вторжение? Какая нам разница. Поднимаемся на второй этаж. Здесь уже сухо. Звуки и, самое главное, запахи отчетливо доносятся слева. Поворачиваем туда. Лучше контакт наладить сразу, чем потом объясняться со всей гоп-компанией при помощи стальных маслин.

Дальше картина маслом. Видимо, раньше здесь был какой-то цех. Потом его сдали целиком арендаторам. Те не долго думая ремонт делать не стали, зато наставили вдоль стен кучу кабинок, мини-офисов. В наши времена чем не гостиница с номерами. В центре, не занятом урбанизацией, горели аж три костра. Между ними были навалены большие кучи всего, что, в принципе, могло гореть и не очень пахнуть в процессе. Иногда, судя по запаху, это утверждение оказывалось ошибочным. Было очень даже немногочисленно. Вокруг среднего костра сидели на раскладных стульях пять человек. Когда мы зашли, только один повернул к нам голову, задум-

чиво оглядел нас с ног до головы, на секунду задержал свой взгляд на шпалере в моей руке и махнул приглашающе рукой:

– Заходите, чо встали, только волыну спрячь. Никто вас здесь не тронет. Все до смерти устали. Или смерть устала от нас. Ну что замер, проходи, присаживайся.

Я еще раз осмотрелся, сунул пистолет за спину и взял Ладу за руку.

– Пошли.

Мы подошли и сели, благо свободных стульев было в достатке. Я открыл рюкзак и честно вывалил все съестное, кроме яблок и шоколада, на импровизированный стол из куска фанеры. Напоследок стукнул пузырем водки и протянул руку говорившему:

– Сергей. А это, – приобняв, – моя дочь Лада.

– Джус, – чуть приподнявшись, мой собеседник пожал руку и представил остальных: – Леха, Выдра, Палыч, Седой.

– Приятно.

Пожали друг другу руки.

– Ты давай, дочь корми, а то смотри, сейчас слюной захлебнется (и правда, на столе у них было и без нашего чем поживиться, эдакий набор для пикника: мясо, овощи, зелень). И веди спать. Мы тут десяток диванов притаранили, пара пустует. А мы потом пообщаемся за жизнь.

Наплевав на приличия, наложил в пластиковую тарелку Ладе и не меньше накидал себе. Ел практически не жуя. Гло-

тал чуть ли не быстрее, чем подносил ко рту. По-моему, даже урчал по-звериному. Плевать, силы мне нужны! Прикончив тарелку, покосился на Ладу. Та заснула у меня на плече с недоеденным куском шашлыка. А я даже не заметил! Покопился на принимающую сторону. Те лишь улыбались, но по-доброму. Аккуратно взял Ладу на руки и понес ее, ведомый Джусом, к одной из кабинок. Уложил на офисный диван, положив под голову вместо подушки свою свернутую куртку. Укрыл протянутым Джусом пледом. Лада даже не проснулась. Ну, надо думать. Не каждый день конец света переживаешь. Джус слегка похлопал меня по плечу, махнул головой в сторону костра. Я кивнул. Теперь можно и пообщаться. Достал сигареты, протянул Джусу. Тот отказываться не стал. Прикурили и не торопясь двинули к костру.

Ребята времени зря не теряли. На одном из костров уже начинал попыхивать парком алюминиевый чайник, на другом, исходя жирным соком, поджаривалась проткнутая арматуриной колбаса. На столе стояли шесть стаканов, остатки ужина, банка под пепельницу да лежал потрепанный автомобильный атлас дорог Подмосковья. Седой, амбал с неречно раскоченными мышцами, снял чайник с костра, прямо в него засыпал какой-то заварки, накрыл крышкой и оставил завариваться на полу рядом со столом. Палыч, суховатый мужичок лет шестидесяти, как-то в одно мгновение стянул колбасу с импровизированного шампура на тарелку и ножом, больше похожим на мачете, ловко расчленил ее на по-

что идеально ровные порции. Джус потянулся, дотягиваясь до бутылки, с хрустом свинтил крышку и обвел всех взглядом...

– Ну, – сказал он, разливая в пластиковую тару, – за знакомство, значит, – и стукнул своим по моему стакану. Хотя учитывая, что это был пластик, скорее черкнул. Далее я отстучал, очертил по емкостям новых знакомых. Похрустели молча закуской. Все, кроме Палыча, синхронно порылись в карманах и так же единодушно засмолили. Кто что, но с аппетитом.

Джус вытер тыльной стороной руки губы.

– Ты сам-то чо думаешь по ситуации?

– А хрен его знает. По-моему, полный армагеддец настал. Мне бы к своим попасть. А там видно будет...

– Нам бы всем к своим попасть. Только тебе, по всей видимости, по сторонам смотреть некогда было. Ты сейчас в окно выгляни...

– А что не так?

– А ты выгляни!

Я подошел к окну и посмотрел. Матерь божья! Вся вода светилась красным светом. Слегка светилась. Если идти по ней, то даже не видно. А сверху очень даже хорошо видно. У меня аж ноги подогнулись.

– Это чего за хрень такая?

– Красиво, да? А по сути никто не знает. Мы сами три часа назад как увидели. Ты случаем не химик?

– Какой, в попу, химик?! – Я истерично начал осматривать себя. Вроде аномалий на коже не наблюдалось. Как-никак целый день в этой водице провел.

Джус разлил до конца.

– Да не парься ты, я тебе сейчас одну штуку покажу, ты вообще очешуешь. – Джус взял нож и полоснул себя по руке. Кровища во все стороны. Седой зачерпнул кружкой воды из тазика и плеснул на порез. Порез вспенился и опал. От раны даже следа не осталось. Джус ухмыльнулся.

– Ну как тебе?

Я тихо офигевал.

– Ладненько. Пора спать. Завтра пообщаемся. Возражения есть? Ну, а на нет и суда нет!

База №333. 01 января 2015 г.

Выдержка из дневника. Москва, 22 ноября 2017 г.

Полковник

Повязали нас чисто и красиво. Мы даже не дернулись. Менты, или точнее полицаи, а кто же еще. Время собачье выбрали, когда даже нормальный часовой спит, а мы-то после вчерашнего и подавно. Удача ведь – дело приходящее. Или уходящее, это как посмотреть. Сегодня с нами она работала по второму варианту. И где мои счастливые трусы? Да, о чем это я? Да просто вспомнился рассказ знакомой... Где-то дословно...

Все люди в какой-то степени суеверные. И у каждого наверняка есть «счастливая вещь», приносящая счастье и удачу. Откушенная во время драки с лучшей подругой сережка или косточка, которой подавился, когда твоя девушка предложила пожить вместе. И начхать на ветер, что ты потом в травме три часа провел – зато тема переезда замялась и забылась. У одного моего знакомого на балконе валяется булыжник размером с кресло, стыроеженный со стройки какого-то коттеджа на Рублевке. Не спрашивайте, как этот «красавец» умудрился его дотащить до своего балкона на восьмом этаже. Теперь всем, кто приходит к нему в гости, он демонстрирует этот «камушек» и говорит, что когда-нибудь этот кусок скалы будет фундаментом его особняка. Мечтатель, блин.

Такая же счастливая штучка есть и у меня. Это полученные в наследство бабушкины трусы. Они желтого цвета в красный горошек с рюшечками. Почему именно они? Не знаю, но каждый раз, когда я их надеваю, случаются всякие неожиданные приятности типа незапланированного секса, бесплатного восемнадцатого бизнес-ланча или подарочного пробничка туалетной бумаги при покупке просроченного, а потому и уцененного йогурта. Только я никому про них не говорю, а то вдруг удачу отпугнут.

Бабушка их всю жизнь носила, трусы эти, не снимая практически, и счастливая была. Где она их нашла – загадка, но есть такие подозрения, что без африканских шаманов

и пых-магии дело не обошлось. Горошинки на них расположены особым образом, потому что каждый, кто их видит, начинает залипать и покачивать головой, как зомби. Так что дома перед родителями в неглиже стараюсь не маячить, если только денег не надо попросить или еще чего. Потому как покачивание головой – не единственный побочный эффект от созерцания моих трусов. Человек, их видящий, на все сразу соглашается. Главное – потом ему напомнить. А то память отшибают горошинки эти напрочь. Иногда даже удобно – когда утром с незнакомым перцем просыпаешься, а он не помнит ничего: ни как меня зовут, ни что было, ни было ли чего. Трусами на прощание в дверях помашешь – и домой.

День тот был ответственный и важный. Накануне вечером позвонила секретутка начальника и таким голосом, как будто одолжение делает, сообщила, что меня решили повысить, но для этого надо собеседование и все такое. Короче, в девять утра меня ждут с отчетом в думе. Дума – это не та дума, о которой все подумали. Просто директор решил, что всем спокойнее будет, если большие боссы будут сидеть отдельно, а их заместители и простые смертные – отдельно. На самом деле ему просто надоели постоянные визиты, отрывающие от мегаважных дел – игры в КС и флуда на форумах. Так или иначе, контора наша снимала два офиса в центре, в десяти минутах ходьбы друг от друга и от метро.

А повышение мне нужно было очень-очень. Кому же оно не нужно, если обязанностей особо не прибавляет, а вот сум-

ма, получаемая ежемесячно, возрастает значительно. В общем, для увеличения вероятности успеха надела я утром эти свои трусы. Нет, конечно, размахивать ими перед лицом начальника я не собиралась, но вот уверенности они мне прибавили. Единственная проблема – в детстве мне в голову вбили, что разного цвета трусы и лифчик – это дурной тон. А под мои счастливые трусы как лифчик найти? Да и размеров для меня еще не придумали, а подкладывать в чашечки всякую нутотрень типа поролона или прокладок с крылышками как-то не привыкла. Вот и пошла в тот день без лифчика.

Ну, там, юбочку-кофточку, как полагается. Строго и стильно, чтобы никаких там разных мыслей. Синоптики, сволочи, на кофейной гуще или по куриному помету нагадали солнце и тепло. Поверила.

Выхожу из метро и понимаю, что курица не гадила, а тупо накосячила – потому что хвост в помете эти синоптики не угадали. Небо черное, молнии сверкают, ветер такой, что взлететь можно. И облака над головой крутятся как космическая воронка в фильме про внеземное вторжение. На часы посмотрела – 8:30. До думы десять минут – успею. И бегом к знакомым зданиям.

Но у неба в тот день явно менструация была, потому как не успела я дорогу перебежать, начался такой ливень, что стало страшно за планету. Ной с ковчегом болтались явно где-то в другом полушарии, а вороны и кошки, не прошед-

шие кастинг на кругосветное плавание, разбегались по укрытиям. Я встала под козырек палатки, торгующей курами гриль, и стала ждать, радуясь, что пораньше приехала. Пахло жареным. Сверху капало прямо на бумаги, которые прижимала к сердцу, как справку из кожвендиспансера. В носу и под ногами хлюпало. А стрелки все крутились, приближаясь к часу Ху.

Внезапно небо передумало истерично рыдать и стало тихонько поскуливать. Я вылезла из-под своей крыши, подняла голову, чтобы посмотреть, закончился ли дождь совсем или еще будет. За свое любопытство получила каплю в глаз. Потекла тушь. Смирившись с потерей внешности, но обрадовавшись тому, что глаз остался на месте и даже что-то видит, я двинулась к думе. Надо сказать, что дорога туда от метро только одна. По обе стороны – всякие закрытые заводы-рестораны, дома стеной и хрен обойдешь. Да и обходить-то не надо – дорога прямая, перекресток со светофором посередине пути, небольшая горка – и вот оно, заветное здание. А то место, где светофор, зовется в народе «пять углов», потому что там пять улиц. Единственный косяк – что эти улицы к этому светофору спускаются, то есть светофор как бы в яме находится, то есть во время сильного дождя там самая большая лужа.

Про эту лужу ходили легенды. Вроде как однажды несколько лет назад там утонул жигуль, и его до сих пор не нашли. Водитель с горя повесился на светофоре, а по но-

чам его привидение пускает в этой луже пузыри и пытается достать машину. Я, конечно, в это не верила нифига, тем более что когда дождей не было – не было и лужи. Но когда увидела, КАКАЯ это была лужа, стало не по себе. Ни у кого на свете не повернется язык назвать ЭТО лужей. Озеро, море, океан! (Эх, видела бы она тот океан, что вокруг нас сейчас распластался!) На середине дороги в свободное плавание к берегам Южных морей отправился мусорный бак с сидящим на его крышке облезшим котярой (из тех, что не прошли кастинг к Ною). Котяра оглушительно вопил, призывая на помощь, но его игнорировали. Водители обреченно вычерпывали воду из багажников своих авто и карманов своих пиджаков. Троллейбус потерял рога и остановился. Водила вылез поправить положение, схватился мокрыми перчатками за рога и мелко затрясся, контактируя с током. Вокруг сыпались искры и пахло жареным.

Сжав зубы и задрав повыше юбку, я стала медленно шагать в сторону думы. Становилось все глубже. Юбка задиралась все выше. Дождь вспомнил свои обязанности и увеличил количество подаваемой воды. Вспомнился «Водный мир» с Кевином Костнером, и сердце тоскливо сжалось при слове «земля»... Передо мной девочка споткнулась и с головой скрылась в бурлящем потоке. Ну, думаю, пипец. Ничего, аккуратненько зацепилась за какого-то мужчину, юбку повыше задрала и прошла почти без потерь. Обрадовалась – до светофора еще метров пять, а там уже и повыше будет,

и офис. На всех парах мимо нас прорулила нива, которой было далеко и надолго на всех и на глубину местного моря. Водила давил на газ что есть мочи, играя в Формулу-один, оставляя за собой пенистый след, как за Титаником. Разница в том, что Титаник потонул, а нива скрылась за поворотом. А мы стояли как загипнотизированные кролики и смотрели на волну, которая образовалась от движения чуда российского автопрома и со скоростью света приближалась к нам. Бежать было некуда. Волна мягко обняла за плечи и отступила, оставив грязные разводы, фантики от конфет и окурки на белой маечке.

К двери босса я подошла ровно в 9:00. Как куранты прям. Вежливо постучала в дверь, зашла в кабинет, стараясь не замечать округлившиеся глаза начальника. «Знаю, дорогой, что я неотразима», – сказала про себя. Положила ему на стол бесформенную мокрую кучку чего-то белого, в прошлой жизни бывшего отчетами о моем нелегком труде на предприятии, и села на стул. «Здрасьте, – сказала, – у меня собеседование назначено было». Старый козел молчал.

Я ждала.

Он молчал.

Я ждала еще.

Результат тот же – уставился куда-то в космическое пространство, головой покачивал слегка и молчал. Тут я догадалась за взглядом его проследить. На юбку мою пялится, сука. А она от дождя промокла вся насквозь, и через белую ткань

просвечивали счастливые бабушкины трусы в горошек.

Как вы думаете, ее повысили?

Ну так вот, и где мои счастливые трусы? Спеленали нас, как младенцев грудных, не спросив, где мама.

Как-то я ехал в такси. На передней панели водитель разместил наклейку: «Жадность ведет к бедности». Слова правильные. Но чаевых я таксисту не оставил. Сам не знаю почему. Теперь про чаевые не спросили, забрали все, а нас распределили.

Распределили как-то безответственно: меня в барак, а Ладу и все наше имущество в неизвестном направлении. Уточнение адреса получателя стоило мне ссущей мелочи, то бишь отбитых почек.

В апрельском номере журнала «Дискавери» за 1995 год «уважаемый биолог» доктор Эприль Паццо рассказал о новом виде живых существ, обнаруженном в Антарктиде: горячеголовых голых червях-сверлильщиках, которые могут благодаря высокой температуре собственной головы забуряться в лед и охотиться. Растопив лед под пингвином, черви ждут, когда он провалится в яму, и затем пожирают его. Доктор Паццо пришел к выводу, что исчезнувший в 1837 полярник Филип Пуассон пал жертвой червей, поскольку в своей одежде выглядел как пингвин. Откликов на статью пришло больше, чем за всю историю журнала. Я так думаю, что именно этих червей-сверлильщиков мы и встретили рано утром.

Менты в этом смысле вообще молодцы. Быстро реорганизовались в МНГ – Малое Независимое Государство. Папа – майор – Король, летехи – герцоги, ну и т. д. И заметьте, каждый со своим земельным наделом под флагом «Доили и доить будем!».

У кого пистолет, тот Король, у кого автомат – Владыка! Раньше доили чужих, а теперь сам бог велел своих заводить.

Брали всех рядом проживающих, ну и набегам не брезговали. Или наплывами? Неважно.

Я попал к Герцогу Петрову. Именно что попал. Казна его светлости процветала разбоем. Или, как он сам любил выражаться, «армагеддонистой халявой». Суть ее заключалась в следующем. Нас, 5—8 человек, грузили в грубо сколоченное корыто, цепляли к моторке и везли в места не столь заводненные. Ну, туда, где можно прихватизацией заняться. Но не дураки они были, ох не дураки. Дабы и мысли удрать у нас не было, скованы были мы одной цепочечкой. Толщиной с два пальчика. Размер имеет значение. Шарились по руинам, цепляя нужное и ненужное, на наш взгляд. Неаккуратно грузили добычу в транспортную «доходняку». В смысле, шаланду транспортного назначения. Возвращались в барак. Летели дни, всплакнула осень, зима укрыла геморрой.

Каждую ночь я думал о моих. Как они? Живы? Я был совсем рядом. Я был бесконечно далеко. Иногда я видел Ладу. При МНГ было что-то вроде школы-детсада. Кормили, одевали, и на том спасибо. Кстати, о девочках: запасы провианта

из прошлой жизни были не бесконечны. Мы, конечно, рыли, но что дальше?

Но, как ни удивительно, всегда находилась минутка поржать. Или так наш организм устроен? Вот в школе: кто из нас не запихивал бутерброд с колбасой в стакан с кофе? А сырки творожные подбрасывали так, что они прилипали к потолку? А компот в суп наливали? На фига все это творят юные балбесы, мне до сих пор неясно, однако смешно было ужасно. Я уж не говорю о намазывании стульев мелом и игре в сифака грязной тряпкой.

Эх, золотые были времена! Хотя... что изменилось? Мир? Дури в нас и сейчас хватает. В принципе, когда возникает желание подебильничать, в дело идет все, что находится перед глазами.

Ах, как прекрасны самолетные бои! Я на своих всегда рисовал красные звезды, вроде как нашенские. А вражеские несли на своих крыльях свастики. Стоит ли говорить, кто побеждал! И в сифака играли... Конечно, чьими-нибудь вещами – сумкой или щеткой – веселее, но бумажные катышки все-таки менее травматичны.

Закрывать двери перед носом другого – тоже очень хорошая игра, особенно если это дверь в туалет, только пальцы не прищемите! В сортирус, кстати, весело ходить в компании. Сидишь себе, размышляешь о тщете всего сущего, а тебе хыть по голове бумажкой скомканной (чистой, желатель-но) из соседней кабинки. Или за ногу снизу схватят. Меня

тут схватили – чуть не промахнулся от неожиданности.

Короче, граждане. Если бы мы сами себе не устраивали праздник – жили бы серо и тухло. Или доживали... Немного маразма в жизни еще никому не мешало.

База №333. 22 января 2015 г.

**Выдержка из дневника. Москва, 02 марта
2017 г.**

Полковник

Кстати о маразме. Немного о нашей жизни в бараке. Хотя здесь это называется общежитием для верноподданных. За-рисовочки, блин...

Сегодня к нам подселили очередного «найденыша». Охрана, «церберы», окрестили его Первонахом. Нашли его в гараже, замотанного в смирительную рубашку (кто его кор-мил-поил эти три месяца?), так он, пока его везли, пытался убежать с лодки!!! Два раза вместе с инвалидным креслом, поднял настоящую истерику – просился только в VIP. Доста-вили к нам. Все никак не мог успокоиться, долго выпраши-вал у Феди, чего здесь никогда не делали. Этот дудила ска-зал, что никто и никогда не писал на потолок. Вот сам теперь пусть и оттирает!

День второй.

Привезли албанца. Только когда «церберы» отстучали «SOS» морзянкой ему по почкам, посольство Албании ему не понадобилось, и он сказал, что это просто шутка такая.

Помолчал чуток, а потом как заехал себе по лбу и грустно так очень сказал: «Шутка... Но баян». Долго думали, что бы ему такое вкатить, порешили на местном наркозе от Феди. Выпускать на пополнение казны его пока рано, так что синяк зажить успеет.

День третий.

Привезли поэта. Пока везли по этажу, завяли все цветы.

У «церберов» были заглушки на ушах, а у нас не было...

Поэтому, пока его довели до нашего VIP, многие потеряли сознание. Спасибо наркозу Феди, поэт свои стихи читать перестал. На всякий случай прикрутили его к батарее. Слава богу, в отдельной комнате! Ну и компашка!

День четвертый.

Вроде бы все спокойно. Но... Первонаху, видите ли, подавай прогулки по местам, где еще не ступала нога арестанта. А где оно такое? Федя предложил ему погулять под землей. У нас «подземли» не было, но Первонах сразу же загорелся и предложил вырыть. Завхоз Герцога захлопал в ладоши и сказал, что ему нужна новая кладовка. Ну что ж, ему полезен физический труд...

Возле комнаты Поэта найден впавший в ступор «цербер». На человеческую речь реагирует неадекватно, лезет драться. Как выяснилось, поэт всю ночь читал ему стихи. Свои стихи!!! Заходить внутрь боимся, а вдруг он еще чего со-

чинил? Выход нашелся сам собой. Албанец попросил Поэта дать ему его стихи в письменном виде. «Ща заценю и аткаменчусь влучшам виде».

День пятый.

...Албанец все еще смеется после вчерашнего вечера поэзии. Поэт кричит, что больше не будет писать стихи никогда. Никогда и не будет... «Церберы» решили его пристрелить, кому он тут такой нужен.

P.S. Первонах вырыл неплохую подземную стоянку.

А за окном весна все ближе, и голод сводит потроха. Да, о чем это я. Скоро 23 февраля! И пусть страна Россия, как и ее армия, осталась только на бумаге, опять нет повода не выпить. Почему нет? Да только вот Албанец был невезуч. И мы об этом даже знали. Но не придали этому значения. Почему? Да потому что все мы здесь такие, «особо везучие». Но чтобы настолько!!!

Албанцу не везло по жизни всегда. Принцип бутерброда преследовал его денно и ночью. Ножки стульев, на которых восседал наш друг, непременно подламывались, бокалы с вином так и норовили окропить его новые костюмы прекрасным рубиновым потоком, а спагетти под соусом просто проживали жизнь зря, если не оказывались у Албанца за пазухой. Да что там говорить, если даже одинокий орел, кружа над Кольцо-горой в Кисловодске, из всех туристов избрал

именно его своим помазанником и помазал Алика (ну, так по паспорту) со всей своей царской щедростью. Помните? «Хорошо, что коровы не летают...» Так я вам скажу, что горные орлы мало уступают коровам в размерах, но зато как палят!!!

Из всего вышеизложенного совершенно естественным и закономерным будет тот факт, что в карточных играх у Албанца шансов просто не было. Но он с завидным упрямством продолжал испытывать судьбу.

Теперь, собственно, сама история.

Крепостные – народ экономный. Поэтому, подсчитывая число калорий, необходимых для поддержания истощенного организма на 23-е, предпочитают колбасе пиво, а котлетам водочку. А посему в разгар вечеринки, посвященной Дню Советской армии, на столе оказалось количество алкоголя несоизмеримо большее, чем количество закусок. Короче, еда кончилась. Еду надо было добыть. Для этого есть мозг. Мозг, который думает. А уж что говорить о совокупности мозгов, подогретых алкоголем?.. Небольшой брейншторминг (мозговой штурм) – и просто гениальное решение проблемы: кто-то вспомнил, что на четвертом этаже, как раз под нашей комнатой, за окошком висит авоська с продуктами. Эдакий естественный холодильник.

Вопрос второй – кому лезть? Решили разыграть в карты. Ну, вы-то наверняка уже догадались, что вопрос носил чисто номинальный характер? По сути, все участники вечерин-

ки (кроме Албанца) нисколько не сомневались в исходе жеребьевки. Второй финалист в ходе поединка был ироничен и спокоен, как верблюд, когда «восемь дней дует знойный Сирокко».

Итак, выбор был сделан. Албанца снарядили по полной программе. Как-никак за окном минус 15 при большой влажности и сильном ветре. Одели как Леню Филатова в фильме «Экипаж», связали несколько простыней, одним концом привязали их к батарее (чтоб не выскользнули из нетрезвых рук) и, наконец, вывалили его за окошко.

В это самое время на пороге нашей комнаты возникла фигура, преисполненная двух бутылок водки в одной руке и пакета с закуской в другой. Про «альпиниста» забыли напрочь. А чтоб не было сквознячка, окно прикрыли, посчитав, что Албанцу необходимо как минимум пять минут для завершения операции «Колбаса». Мол, вернется – постучит.

Через полчаса вновь прибывший и наиболее трезвый из нас субъект задал вполне резонный вопрос: «Нафига к батарее привязали мои (субъекта) простыни?» Сказать, что мы испытали шок – это, пожалуй, слишком по-книжному. Прямо штамп какой-то. Но шок действительно имел место быть. Распахнув окно и перегнувшись через подоконник, мы увидели картину, достойную кисти Гогена: полощущиеся на жутком ветру простыни и черная бездна под ними. Лично мне в тот момент пригрезился Албанец, лежащий на зазеленелом залитом кровью асфальте, который протягивал руки

со злосчастной колбасой и голосом Михаила Пуговкина молил нас забрать его отсюда. Вглядевшись в ночь и не разглядев проклятой авоськи, я на все сто уверовал, что это не галлюцинация, а истина, и необходимо вызывать Скорую. Часть из нас ломанулась звать «церберов», а остальные понеслись оказывать первую помощь «парашютисту». Я попал во вторую группу и выскочил на улицу первым. Под окнами Албанца не оказалось. «Наверное, отполз, чтоб сверху пустой бутылкой не попали», – выдал предположение кто-то за спиной.

Немного пошарив в темноте и изрядно покричав, решили, что необходима тишина, которая позволит услышать прощальный стон умирающего. Для этой цели откомандировали Джуса. Тот справился с задачей блестяще. Через минуту барак был обесточен, а те несколько человек, которые пытались ему помешать, отправлены в глубокий нокаут. Тишина тоже не дала никаких результатов, кроме того, что мы услышали свист ветра и приближающийся отряд пьяных в хлам «церберов». Поиски продолжились с утроенной силой, но, увы, Албанец пропал бесследно.

«В состоянии шока пациент мог рвануть куда угодно, вплоть до государственной границы», – успокоил нас доктор из «церберов».

Задубели мы довольно изрядно, выскочив на улицу кто в чем был. И потому было принято решение поиски прекратить, а Албанца считать пропавшим без вести при перехо-

де государственной границы. Электричество к тому моменту включили, и мы поплелись поминать героя.

В самый разгар поминок, когда об Албанце было сказано практически все хорошее и можно уже было переходить к десерту, смакуя его невезучесть, в распахнутых дверях, подобно тени отца великого датчанина, возникла фигура нашего героя. Совершенно обалдевшего, со следами губной помады на сорочке и огромным лиловым фингалом под правым глазом.

Рассказ Албанца:

«Ну, спустился я на четвертый этаж. Отрезал сетку с колбасой, а свистнуть не могу, потому как руки заняты, а без рук громко не умею. Да и музыка орет у вас на полную катушку. Ну, думаю, писец... Колотун собачий. Давай я в это окно ломиться, благо девки дома оказались. Короче, когда они окно открыли, у них чуть шары не выпали. Естественно, я вами отдупился. Вот, думаю, козлы, чуть не угробили. Ну, девки хорошие. Отогрели, чарку водки налили за наш праздник. Только котлеты на плитку забросили, свет рубанулся. Вот, думаю, отморозки, совсем очешуели, праздник мне портить... Ну, я к щитку, а тут козел какой-то в темноте мне хрясть... Короче, очнулся опять у девок. Уже у других. Ну, там, примочки, охи-ахи. Ушел от них. Думаю, пацаны-то волнуются. Да и козла того нужно найти. Джус, кто у нас еще, кроме тебя, левша?»

Погоуляли, короче.

База №333. 22 января 2015 г.

**Выдержка из дневника. Москва, 03 марта
2017 г.**

Полковник

А мысли бродят в голове. Валишь отсюда надо, один вопрос: КАК? В бараке около сотни людей. Около – это потому что кто-то мрет, а кого-то свежих привозят. Из них, как бы смешно это ни выглядело, я сошелся только с двумя. Албанец и Джус. Оба, как умеют, косят под идиотов. Так работы меньше, да и спрос какой. Сам такой же. Но валишь нужно хотя бы потому, что войнушка намечается. А кто за пушечное мясо? Правильно, мы, и как добровольцы. Кто и с кем? Так вон с теми же собравцами Строгинскими. Тьфу, с боярычами из Воеводства Строгинского. Мотив? Вокруг все перерыто, запасов продовольствия и иже с ним брать больше неоткуда. В итоге будем истреблять себе подобных, защищая свою биосферу. Нет хороших, нет плохих, есть свой и чужой. Вопрос, зачем валишь отсюда и куда, не актуален. Когда и с кем, вот вопрос. А еще Ладу надо с собой. Да своих найти. Как найти? Как искать?

Война – она пришла, когда ее не звали. Война – она не для детей. Круговорот мозгов в природе. Вот у меня в руках автомат. Отдал умирающий «цербер». До сегодняшнего дня я боялся его, как черт ладана. Бывало, примет на грудь и играть с нами в шашки. Это как? Да просто. Темная комната, мы стоим в ряд. Утром рожа как шахматная доска. Чер-

но-белая. Ну, с переливами. А здесь, умирая, отдал автомат. Сказал, что мне он нужнее. А что с ним делать? Нет, понятно, что как нажимать на курок я знаю. В кого стрелять? По одежде не отличить свой – чужой, вокруг военизированный черкизон. И кто мне свой, бывший «цербер»? Вон Албанец лежит, ему вообще все пофиг. Когда заварушка началась, он с какого-то трупa флягу снял, а там не вода, а сплошное спиртовое благо. Выпил, гад, все, теперь лежит, и пули его не кусают. Джус вообще неизвестно где. А мне страшно так, как грешнику в аду. Где-то что-то рвется, где-то горит. Все куда-то бегут. Все в кого-то стреляют.

Ну где моя берлога, уйду скорее спать. Албанец, урод, ты почему такой тяжелый? Я б тебя и не трогал даже, только нас бомбить стали. Вот ведь сволочь, головой о бетонный пол – и не проснулся. Хороший подвал, мы тут много раз казино устраивали. А это что за звук? Вот пуля просвистела и ага... Вот бомба приземлилась на тебя. Это что за...

Я снова сидел у себя в офисе, жутко болела голова, и я почему-то читал свое собственное резюме десятилетней давности:

«Ответственный, пунктуальный, уравновешенный, инициативный. Легко обучаюсь. Вредных привычек не имею. Согласен на командировки.

Своим девизом считаю следующую фразу: «Если сегодня делать то же самое, что и вчера, завтра будешь там, где и се-

годня!»

Моя цель – работа в отделе продаж сложного технического оборудования, материалов для промышленности или строительства, как вариант в отделе проектных продаж, менеджером тех. поддержки, etc.

Мои пожелания к работодателю:

На данной работе моя з.п. составляет 700 у.е., поэтому если вы не можете предложить как минимум столько же или у вас вариант «Ну, может быть, потом как-нибудь, если захотите» – давайте ценить чужое время и не будем отнимать его друг у друга.

Так как свое желание покинуть компанию, в которой работаю сейчас, я пока не афишировал, свои координаты я не оставляю. Если моя кандидатура вас заинтересовала, свое резюме в ответ на ваше письмо я вышлю незамедлительно.

Дабы не отнимать зря друг у друга время, прилагаю свой черный список – т.е. компании, о работе в которых я наслышан и в которые я не пойду: .....

И еще: проходимцам, предлагающим работу помощника руководителя, представителя канадской оптовой компании, реализатора Гербалайфа, работу за баснословные деньги в свободное время, агента по непонятно чему и прочее, что именуется «кидалово», – не тратьте свое время и не засоряйте мою почту! Я прагматичный человек, и в то, что за два часа нетрудной работы вы будете платить по 2000 у.е. в месяц, я не верю!»

Точно!!! Не верю!!! Блин, а чего так темно и проводкой воняет? Албанец, урод, очнись, нас завалило!!!

База №333. 22 января 2015 г.

Выдержка из дневника. Москва, 04 марта 2017 г.

Полковник

Албанец умирал долго. Умирал долго потому, что бетонная плита располовинила не его премного неудачливую голову, а тупо его самого. В районе поясницы. Я был поражен, как долго перед смертью человек может прикалываться. В полубреду... С пеной на губах, видимой только при свете зажигалки. Он очень хотел выговориться. Держал меня за руку, хрипел, отплевывался и снова травил свои байки. Я понимал, что надо искать выход из этой бетонной мышеловки, но не выслушать его не мог. Не мог, потому что я был последний, последний кто его услышит. Потому что я тоже хотел бы, чтобы перед смертью меня слышали. Потому что за короткий срок нашего знакомства мы смогли стать друзьями... Почему-то из всего сказанного им запомнилось это: «Во-первых, мужики, нужно подобрать сопли, вытереть слюни, сполоснуть покрасневшие глаза и припудрить горящие от несправедливых оскорблений щеки. Кстати, настоящие brutальные мачо (бручо) мужественно вытирают слезы не кружевным носовым платком, а сразу рукавом! И чтобы ни одна сволочь не видела ваших слез! Ревите в кладовке,

в туалете, в проеме между пеналом и холодильником! И тихонько, а не навзрыд! А если и навзрыд, то только басом!

Начинать становиться хозяином надо с малого. Например, перестать пить воду после мытья ею ног. Можно также постепенно изменить режим вынесения мусорного ведра. Сначала, как обычно, бегом. В другой раз быстрым шагом. Потом неторопливым шагом, а где-то через год-два можно будет смело покурить у помойки. А еще через год можно будет уже вообще игнорировать крики жены, что, дескать, надо вынести мусорное ведро, а продолжать спокойно стирать белье!

Кстати, стирать белье нужно в футболке «Ювентуса» или другого любимого клуба!

Когда госпожа смотрит сериал, надо подойти и решительно переключить на футбол! И, не слушая ее криков, убежать! И так минимум раз в месяц!

В один прекрасный день надо, наконец, оглушительно стукнуть кулаком по столу! Лучше после того, как она уйдет на работу. Потом надо подышать на место удара и аккуратно протереть полировку салфеткой.

Кстати, об ударах по столу. Чтобы отбить у жены любое желание повышать на вас голос, надо грозно ударить по столу новой шубой, сапогами, швырнуть ей в лицо букет цветов или какие-нибудь новые серьги. Нагло дыхнуть в лицо минералкой.

Возьмите за правило выпивать на кухне в компании не од-

ного-двух, а четырех-пяти друзей. Что она вам пятерым-то сделает?

А когда жена пригласит четыре-шесть школьных подружек, надо в самый разгар их посиделок прийти в гостиную с ведром и тряпкой и пускай поднимают ноги! Помыть пол и грозно спросить: «Кофе буити?!»

Чтобы уж точно стать в доме хозяином, надо завести большую собаку, больше жены. И стать ее хозяином. А вообще, сначала спросите у жены, может, вы и так в доме хозяин? Чего тогда огород городить, спокойно идите на кухню и вымойте посуду».

Жутко хотелось пить. Жить и пить. Я понимал, что и первого, и второго Албанцу не хватает больше. Он же травил свои байки дальше, и от этого было легче.

Он затих как-то внезапно. Я даже не сразу и понял. Вот только что его рука дергалась в моей руке. И больше нет. Нет больше Албанца. Горечь, большая горечь давила горло. Я очень хотел плакать, но не смог выдавить из себя ни одной капли.

Я Албанцу сделал настоящий саргофаг. Круче, чем у Ленина, но поменьше, чем у Тутонхамона. Собрал камни параллелепипедом. Без крышки, правда. Да откуда ее взять? Просто аккуратно приложил его камнями. Хотел прочитать молитву. Даже пальцы скрестил. Только вот молитвы я и не знал никогда. Верую – да, верую. Мы все так веруем, пока жаренный петух в задницу не клюнет, молимся всем

святым, а после выборочно.

Я не знаю, чьи это слова, но именно тогда, в полной темноте, я читал отходную по Албанцу именно так:

Нам не забыть все то, что там нас ждет,
К чему стремимся сквозь стальные грозы.
Дай бог увидеть вновь, как русский дождь идет,
Как мокнут под ним русские березы.

Вылезти. Нужно вылезти из этого склепа. Я чувствовал приток свежего воздуха, но никак не мог скинуть вниз тот самый последний камень. В голове была только одна мысль: ну когда же я увижу солнце? Первыми я увидел звезды. Маленькие такие, такие холодные. Аж пар изо рта. Но мои. Мои, как свобода. Мои, как жизнь.

Было удивительно тихо. Даже собаки не выли. Вообще никто не выл. Вокруг были руины и трупы. Много трупов. Я даже никогда бы и не подумал, что нас так много оставалось на этой постапокалиптической земле. Было. Откуда в нас это? Откуда жажда смерти? Смерть уже нас не искала. Находила. Я сел на землю и схватился за голову. Вылезти из могилы, чтобы увидеть одну большую могилу. Нужно было искать Ладу. Но это после. Сначала нужно было найти воду. А лучше много воды. Очень много воды. Я пошел, пополз, поковылял. Нужно было пройти метров пятьсот. До столовой. Там был колодец. Оказалось, что и столовая тоже была. А еще была повариха Настя. Как и все нормальные мужики,

я пытался с ней встречаться. Была она тихая и добрая. Подобрали ее на трассе. Над мужем. Только она этого не помнила. И детей своих не помнила. Точнее того, что от них осталось. Как она сама целой осталась, история умалчивает. Но если бы не она, наши будни были бы гораздо тяжелее. Я так и не понял, от чего она умерла. Лежала с открытыми глазами, нелепо закинув правую руку на лоб, как будто челку поправляла. Глаза я ей закрыл. Но перед этим очень долго в них смотрел. Проклинаю остатки той жизни, которой мы жили. Проклинаю ту нежить, что убивала нас. Если бы в тот самый миг меня увидел чужой, я бы аккуратно лег остывать, ибо и не услышал бы его... Но он меня не увидел, не услышал. Но я еще увижу его. Как вижу сейчас Настю, холодную и с закрытыми глазами.

Мне даже укрыть ее было нечем. Вокруг все грязное, серое. Могилу выкопал осколком облицовочной плитки. Пока копал, окончательно обезвожил. А когда опустил ее туда, впору было и самому лезть следом. Прости, Настя, я тебя помню.

База №333. 22 января 2015 г.

Выдержка из дневника. Москва, 05 марта 2017 г.

Полковник

А колодец-то УЦЕЛЕЛ!!! Господи, столько не пьют даже верблюды! Верблюды вообще лохи по сравнению со мной! Теперь бы и перекусить неплохо. Но вот столовая, в отличие

от колодца, не уцелела.

В моей прошлой жизни я не знал, что такое автомат Калашникова. Теперь знаю. Руку почти отрывает. Но вот то, что перед рукой... Хлам, с десяти метров в хлам, а ближе и не нужно. Или дальше. Оружия было много. Их, родимых (калашей), мало. Снимая разгрузку с бывшего «цербера», весь уделался в крови. Но не вырвало. Наверное, привыкаю. А как здесь не привыкнешь? Если очень хочешь есть, сам станешь хищником. Из хищников кроме меня оставались только собаки. Оставшихся людей облик морале не позволяло пустить на сковородку. Кстати, ни одной кошки я так и не увидел. Может, и к лучшему? Ну так вот, правильно приготовленная собака – это еще тот деликатес. Не верите? Попробуйте!

Сутки тупо ел,пил, спал. Найденным во флягах почивших бойцов спиртом (а это, как ни крути, стрессопонижающее) можно было заправить самолет. Заправлялся сам. Воды набрал хоть утопись. Собаки на шашлык сами прибежали. Расположился на руинах поста Герцога. Там уцелела целиком одна комната. С ДИВАНОМ!!! Потолком и стенами. Особо никто не беспокоил. Так, пара оборванцев пару раз заглядывали, но в конфликт не вступали. А оно кому нужно? Еды, воды на несколько дней всем хватит. Выжившим – всем. Так что стрелять пока себе накладней. У Герцога уцелел даже нетленный раритет, коим был кассетный магнитофон. И у него даже были неплохие батарейки с заправкой

нутра кассетой «Кино». В бщем, сутки отмокал как в пяти звездах, при зарплате инженера: все есть, а доп. услуги за свой счет. Да они и не нужны были, в принципе, ни мне, ни инженеру, эти услуги. На вторые сутки магнитофон благополучно издох, прекратив хрипеть и растягивать слова на манер пьяной руссконародной. Это был сигнал. Сигнал для меня: выдвигайся или оставайся здесь хрипеть до последнего. А это перспективка так себе. На досуге, не торопясь, но не очень трезво я порешил, что даже на этом бренном куске планеты я физически не мог остаться один, без своих живучих, как тараканы, приятелей-друзей. А потому, не торопясь дожевывая свой не особо калорийный завтрак, я перво-наперво натянул свою не особо чистую разгрузку. Распихал по кармашкам запасные рожки и сникерсы (которые в огромном количестве нашел здесь же) и накинул на плечо ремень трофейного АКС-74. Не знаю зачем попрыгал (ну, в фильмах так делают), прислушиваясь, как во фляге слева булькает вода, а спарва – спирт, и шагнул за порог. Круто сказал. Для начала вывалился как мешок сами знаете чего. Забылось как-то, что за стеной руины. Но ничего, снова попрыгал, хлебнул из правой фляги – и в путь. И куда я на ночь глядя?

Слава всем богам хоть в этом, далеко идти не пришлось. Собственно, да и сам наш остров был невелик. Но обо всем по порядку.

Свежий вечерний ветер, наверное, обдувал бы прохладой

мне лицо, если бы не одно но... Обдувал он мне лицо характерным запахом. Трупным таким. Вонюче-сладковатым. Я и сам не понимаю, почему там, в этой маленькой комнатке с разбитыми окнами, я не ощущал этого запаха. Наверное, мозг на какое-то время отключил все внешние рецепторы организма со словами «баста, мне нужен отдых». Ну и респект ему за это. А вот сейчас, словно включившись в боевой режим, мой нос улавливал мельчайшие оттенки наполнявших этот мир ароматов. Запахов смерти. Удушливой вони неупокоенных тел. А тел этих было их как много.

Но не прошел я и полквартала, как запах этот, сверхнавязчивый, стал забивать запашок костра. Да не просто костра, а костра, на котором готовится еда. Много еды. Много запахов. Говорю же, нос в боевом режиме был. Или желудок? Да какая в итоге разница. То, что я увидел далее, даже на расстоянии согрело мне душу. Там, посреди небольшого сквера между домами, кипела жизнь. Нормальная, человеческая. Побрызганным стойбищем стояли армейские палатки, горели костры, над ними коптили, исходили дымком котлы-кастрюльки с чем-то однозначно очень съедобным, и там были люди. Много людей. Разных. Занятых и не занятых. При делах и просто в отрубке. Но это была жизнь.

Я не дошел около ста метров, когда меня окликнули. Кто? Что? Куда? Ответил на пределе честно. Бомбили, выжил, ищу своих. Покивали и выдали провожатого к Главному. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, где заседа-

ет Главный. Ясен пень, в палатке, что по центру. Пока шел, смотрел по сторонам. А хорошо у них здесь. Тихо, спокойно. Вон и дети даже играют. Может, и Лада моя здесь? Молодцы, в общем. Расположились между домов. В эдаком урбанистическом убежище от ветров и ЗАПАХОВ. Биотуалеты поставили на люки канализации и ливневки, чистота и гигиена. Вон, от гидрантов запитали душевые и кухню. И это за два-то дня. Молодцы. ПЭСки дизель жрут, света вроде и немного, но об корни деревьев не спотыкаешься. МОЛОДЦЫ. Только интересно, кто же у них такой хозяйственный во главе стоит?

Перед входом в «палатку – штаб-дворец» меня все-таки обыскали и автомат вежливо забрали. Остальное, правда, оставили. Ну и на том спасибо. Еще раз уменьшив литраж правой фляги, я шагнул за полог.

Весело подмигивал электродровами электрокамин, а перед маленьким столиком на маленьком табурете сидел Джус.

Джус посмотрел на меня каким-то долгим, мне совершенно незнакомым взглядом. Облизал губы, провел по волосам рукой. По совершенно седым волосам. А я ведь помню, ша-тенном был натуральным. Еще три дня назад. Махнул рукой, отпуская тех, кто зашли вместе со мной. И... просто подско-чил, допрыгнул, обнял.

– Жив, засранец!

– Стараемся не взбзднуться!

– А Албанец? Давай, пусть вваливается! Братва, Албанца ко мне!

– Кого, шеф?

В палатку удивленно заглянул один из сопровождающих.

– Албанца, – уже почти шепотом сказал Джус и с какой-то мольбой посмотрел на меня.

Я сглотнул ком.

– Джус, ты это, бойца отпусти. Ага. Стаканы есть?

Джус бойца отпустил. Как-то механически взял два пластиковых стакана, подумал и добавил третий. Я пододвинул себе табурет, сел напротив него и разлил из правой фляги по стаканам. Он же один из стаканов накрыл галетой.

– Не чокаясь.

– Земля пухом. Только ты мне все равно расскажи, как?

– Долго, Джус. Но я расскажу, иначе свихнусь. Потом твоя очередь. Время есть?

– Пока в достатке. По второй?

Я рассказал об Албанце, о Насте, о том, что видел, что чувствовал. Джус лишь молча кивал головой в такт моим словам и так же молча, не чокаясь, мы пили. Сначала мою, потом его... А потом он рассказал свою историю. И мы так же, без тостов, не чокаясь, пили.

– Понимаешь, Серега, я ведь в прошлой жизни до по самое не балуй на войне поплавал, – Джус потер переносицу и засмолил очередную «Золотую Яву». – Когда началась вторая чеченская, я в прапорах сидел в Мухосранске, что под Новоифуново. Зарплаты хватало на пару блоков сигарет и три литра водки. Ты только не подумай, что я мечтал

о Феррари и вилле на Багамах. Просто иногда хотелось тупо вкусно поесть, а не то, что из столовки офицерской домой притащишь. Жена, опять же, женщина терпеливая была... – тут Джус о чем-то своем задумался и молча махнул рюмку, закусив смачной затяжкой сигареты, как-то грустно на меня посмотрел и продолжил: – Ну так вот, терпеливая, значит, но ЖЕНЩИНА! Ей же, в отличие от меня, сапога тылового, и прическу надо, и косметику какую-никакую, одеться, в конце концов. Пусть не так, как в ящике показывают, но все равно чтоб другие замечали. Да просто нормальной, человеческой жизни ей хотелось, а не рая в шалаше. Точнее в малюсенькой комнате офицерской общаги, где душ и туалет по расписанию. А там что лучше, шалаш или общага, я до сих пор не понял. Но не о том. Конечно, приторговывал я и ГСМом разным, и солдат на грядки высылал. Да только не деньги это были. Понимаешь, не деньги, а так, копейки нищему на паперти. Да и чувство постоянное, гадкое такое, вроде все делаешь как надо, а живешь в дерьме, и все это понимают, да только сами там же. А тут ВОЙНА. Боевые. Да такие, что, по нашим Мухосранским меркам, Абрамович – чисто гопота беспризорная. Ну что, еще по одной? Эх, блин, Албанец, как ты мог... – И дальше, затягиваясь очередной сигаретой и глядя куда-то сквозь меня: – Ну и я как это дело прочухал, контракт на полгода сразу подмахнул. Жена, конечно, в рев, не без этого, я же грудь колесом, секс на дорожку и в путь. А там Чечня. Срань, вонь и нищета. Нищета

не ихняя, чеченская, а наша, солдатская. Боеприпасов нет, жратвы нет, а ты иди и воюй без уточнения, с кем и где. А каких вояк нам присылали! Ты б только видел... Ну что, еще по одной?.. Зеленые совсем. Автомат разбирать-собирать их еще худо-бедно научили, а вот портянки правильно наматывать – нет. А их в бой. В мясорубку. Помню, перед отправкой стоял смолил на крыльце местного военкомата, а рядом перед построенными салабонами распинался усталый и небритый летеха. Может, те, кто его УСЛЫШАЛ, тогда живы остались. Правильные вещи, между прочим, говорил.

Ты наверное, в курсе, что наша страна всю свою историю воевала? И практически у каждого поколения в наличии свои ветераны? Если ты об этом даже не догадывался, прими как данность. И до тебя, и после тебя молодые ребята будут уходить на войну, и все равно, какой официальный термин эта война имеет.

Ну, если сумел осилить и уложить в своем мозгу первый абзац, продолжим. Итак, неважно, тебя одного или всю страну собирают на войну. Сборы будут всегда. Как только ты придешь в себя от предстоящей перспективы быть убитым, раненым, пленным или пропавшим без вести – не теряй времени зря. Надеюсь, что ты уже дал хорошего пинка своему тревожному чемодану (тревожному вещмешку, тревожному рюкзаку, тревожной барсетке, тревожной сумочке от Дольче Габана). Эта концентрация ненужных военных вещей тебе

точно на войне не понадобится.

Ты уже взял старую добрую сумку «мечта оккупанта», в которой при желании можешь поместиться сам. Если такой в хозяйстве нет – купи (займи, укради, ограбь местный воронторг). Но сумка должна быть. В идеале, если она будет защитного цвета и непромокаемой. В нее уложи два комплекта сменного белья – этого тебе хватит дотянуть до непосредственного участия в боевых действиях, а там или постираешься, или получишь новое.

Да, не обольщайся, если на улице раскаленный август и ехать предстоит на юг. Обязательно возьми теплые вещи (шерстяные носки, зимнее белье, вязаную шапочку, перчатки). Никто пока не знает, окажешься ли ты ночью в высокогорье или дотянешь до декабря без заезда домой за теплыми вещами. Ну, про ложку, вилку, котелок и так далее говорить не буду – это само собой. Можешь, кстати, все это взять из вещмешка, так уж и быть.

Обязательно имей при себе нож. Фильм «Рембо» смотрел? Нож у старины Сталлоне помнишь? Так вот, такой тебе точно не нужен. Возьми хороший многофункциональный с открывалкой, кусачками, плоскогубцами и отверткой. Не обязательно швейцарский, но он должен быть надежным. Такой нож тебе пригодится не только колбасу резать, но и для решения практически всех связанных вопросов. Потом для солидности и понту добудешь себе нормальный трофей, как у старины Сталлоне. На войне с этим траблов нет,

даже если не ходишь в атаку.

Далее – набери в пластиковые бутылки из-под минералки нормальной водки. Постарайся ее расходовать с умом. Если водка протянет хотя бы два дня – я снимаю перед тобой, мой друг, шляпу. А вот одну бутылку всегда держи с водой и при возможности всегда пополняй запас.

Возьми упаковку туалетной бумаги. На Кавказе местные этим достижением гигиены практически не пользуются, отдавая предпочтение воде из кувшина и гладким камням. Имей при себе письменные принадлежности и конверты.

Есть возможность – приобрети личный спальный мешок. Лучше комбинированный (раскрывается как одеяло) на синтепоне или лебяжьем пуху. В части тебе такой тоже, наверное, дадут, но будь готов познакомиться с БЭТЭРАМИ. Что такое БЭТЭР, расскажу позже.

Приобрети нормальный фонарик на светодиодах с включением кнопкой, а не поворотом головки. Несмотря на обещание тыловиков, всегда имей при себе пару-тройку банок с мясными консервами. Не жадничай! В охотничьем магазине «Смерть на болоте» купи разгрузочный жилет, желательно отечественного производства (неплохие ижевские). Вообще, доверься профессионалам этого магазина. Объясни, куда собираешься, глядишь, еще и подарят (было реально).

Носков не набирай, по-новой привыкай к портянкам. Да! Да! Да! Портянки в берцы.

После прибытия из дома в родную часть тебе будет пред-

ложено пойти вооружиться. Это, друг мой, раз уж ты едешь на войну, момент серьезный. Могут, конечно, и не предложить, это если едешь в уже развернутую группировку и на гражданском паровозе (типа приедешь – там все дадут). Но если предложили и есть альтернатива выбора – не тормози.

Помнишь шестиствольный вертолетный пулемет «Вулкан» в руках старины Шварца? Тебе такой точно не нужен. Если, конечно, ты не собираешься сбежать на первой же остановке к проезжающим мимо спецназовцам, бери оружие, соответствующие характеру предстоящих задач. Помни, что ты офицер-связист (блин, звучит гордо), и в штыковую атаку ходить тебе вряд ли предложат. Идеально, если у тебя в руках окажется что-то типа АКС-74. Он удобен, а понадобится – разложишь приклад и дашь просратья всем вокруг. Но, как правило, этот самый АКС – мечта. Нет АКС-74 – не беда! Смело бери АКС-74У. Тому, кто скажет «плевалка», сам плюнь в невежественную харю! Для связиста – самое то. Выпускал из него по пять магазинов и, кроме разогретого цевья и громкого боя, замечаний не имел. Зато этот «пистолет Калашникова» всегда с тобой. Ты не оставишь его в палатке и в БТРе, потому что он тебя задолбал длительным бесполезным ношением. А случись стрелять, полноценному автомату на средних и коротких дистанциях он практически не уступает. Поверь на слово, лучше АКС-74У в руках, чем АКС-74МН с ночным прицелом, целе-

указателем, прибором бесшумной стрельбы и подствольным гранатометом в палатке.

Ну, а если тебе предлагается взять что есть – старый добрый АК-74, возлюби его аки брата родного и не меньше, чем описанное выше. Заботься о нем, и не дай бог что – он позаботится о тебе.

Предложат к этому взять пистолет – не отказывайся. Только позаботься о заплечной кобуре скрытого ношения, а то станешь подарком для мирного добродушного вражеского снайпера (они любят пистолетчиков и тех, к кому подходят с воинским приветствием). Кобуру подгони под себя таким образом, чтобы пистолет не выпадал при спрыгивании с техники. Не забудь про страховочный ремешок для оружия.

По дороге на войну сильно не расслабляйся. Опасность еще большую, чем противник, в данный момент представляют твои собственные товарищи офицеры. Вроде пили вместе, а у них уже башню оторвало. А тут еще и боевое оружие рядом. Нет смеси взрывоопаснее, чем молодой человек с оружием да еще и во хмелю. Держись от таких подальше. Их просто вычислить. В мирной жизни с ними всегда разбирается милиция из-за постоянных пьяных дебошей. Они вечно нарываються на неприятности и тянут за собой всех остальных. А после месяца (или недели) пребывания в боевой обстановке их, как правило, выгоняют на Большую землю за очередную пьянку. Приехав домой, эта публика имеет «законное право» быть постоянно бухой (как же – с войны

вернулся). А после очередного пьяного разгрома все его жалуют и говорят: «У него боевой синдром! Вот что с людьми делает проклятая война!» А это животное одобрительно кивает и льет слезы, «вспоминая» погибших друзей.

Если едешь во главе своего подразделения, не пей совсем. Следи за подчиненными. Не позволяй употреблять своим офицерам и прапорщикам. Не бойся прослыть занудой и задротом, потом еще десять лет письма писать будут с благодарностями.

Особое внимание удели сохранности оружия и боеприпасов, выданных на подразделение. Раз в три часа проверяй все лично. По максимуму займи личный состав. Организуй службу, чтобы вас теплыми не взяли. Не допускай пьяных братьев по оружию к своим бойцам.

Ну вот, наконец, и приехали. Наверное, ты ожидал увидеть вокруг марсианский пейзаж с вкраплениями обложек серии «Сталкер»? А здесь такая же жизнь, как и везде. Пойми правильно, местные уже лет пятнадцать живут на войне, и им стало по барабану все происходящее вокруг. Они видели многое. А таких, как ты, тысячи. С момента выхода (спрыгивания) из вагона считай себя на войне. Теперь постоянное внимание и сосредоточенность. Лет через десять после возвращения домой эта «сосредоточенность» тебя, может быть, и отпустит. Но если расслабишься сейчас, попадешь сам и товарищей утянешь.

На станции (аэродроме, пристани) выгрузки приготовься

испугаться второй раз (первый был, когда понял, куда тебя собрали). Это неизменный атрибут войны – убитые и раненые. От этого никуда не денешься. Без этого никак. Их начнут (без всякого предупреждения) привозить и загружать в транспорт. Соберись! Это серьезное испытание. На их месте может быть каждый. И от того, что с тобой как с командиром сейчас происходит, зависит спокойствие, а значит и уверенность подчиненных.

Не надо увиденное оставлять без комментариев, типа ничего такого не происходит. Обрати негатив в свою пользу. Собери личный состав и уверенно доложи, что не собираешься никого оставить на этой войне. Но для этого от личного состава требуется максимум дисциплины и осторожности.

Через неделю страх пройдет, и все станет обыденным. Дальше доверься боевой обстановке. Она научит.

Не доверяй никому в вопросах, касающихся личного состава. Разговаривай с бойцами постоянно. На любые темы. Сейчас в тебе видят практически божество – всемогущее, обо всем осведомленное, очень требовательное и одновременно заботливое. Следи за представлениями своих подчиненных к наградам (веди специальную тетрадку). Иначе через пару месяцев потеряешься, кого и к чему представлял. Раз в пять дней рассказывай личный состав (если есть где) и заставляй писать письма маме и папе. Проверяй адреса и первые строчки посланий. Если боец не пишет, через месяц его мама напишет в комитет солдатских блюдей, а заодно

и президенту. На ее жалобу трепетноотреагируют. В часть приедет комиссия, нахлобучит главного по борьбе с личным составом, а тебя просто порвут на части. Оно тебе надо?

Не позволяй вестям с гражданки типа «Здравствуй, дорогой Саша! У меня все хорошо. Я все так же тебя люблю и жду. В техникуме все нормально. Девчонки передают тебе привет. Правда, на днях Колька Сивый меня изнасиловал. Приедь, мой милый Сашенька, и замочи этого скотопидора! Твоя малышка» – отправлять бойцов в дезертирские походы с оружием. Контакт должен быть постоянный. Сам подумай – ты, здоровый, спортивный, накачанный и пять лет готовившийся к войне, себя чувствуешь немного неуверенно. А что происходит в душах твоих подчиненных – по сути, все тех же дворовых мальчишек?

Немного расскажу о военном фасоне. Начнем с головного убора. Не знаю, кто как, а знающие люди такую вещь, как бандана, надевают только для фотосессий. В нормальных подразделениях все одеты одинаково. Этого ты должен требовать от своих подчиненных. К тому же лучше кепки (фуражки полевой) для ношения в жаркий период года я не знаю. Она удобно устроит твою голову в стальном шлеме (каска), а в случае чего послужит дополнительным амортизатором. Так что солнечные очки и бандана – это для фото на память.

Постарайся обзавестись горным костюмом («горкой»). Если не в курсе, что это, зайди в военторг или охотничий ма-

газин «Смерть на болоте» и поинтересуйся. На крайний случай, есть Интернет. «Горка» выдается в подразделения ВДВ, морской пехоты, спецназа и т. д. Вещь изумительная. Одно из преимуществ – отсутствие на ней знаков различия на законных основаниях. Она сделана из непромокаемой ткани и одновременно пропускает воздух. Очень удобные карманы. Не мешает движениям и ношению снаряжения. Зимой приладишь с внутренней стороны ватную подстежку от бушлата (правда, с новым образцом Юдшлата такого не получится). Короче, не пожалеешь о таком приобретении.

Из обуви носи берцы. Кроссовки и кеды хороши непосредственно при штурме горных вершин, да и то есть опасность вывернуть ногу в голеностопе, неудачно наступив на камень. А вот в городских условиях битое стекло, ржавые гвозди и торчащая арматура точно больше будут рады твоим кроссовкам, чем берцам.

Два слова про средства индивидуальной бронезащиты. Носить или не носить, вот в чем вопрос. Мнений на этот счет много. Но я опишу одно из них, наиболее близкое, на мой взгляд, офицеру войск связи.

Если тебе предстоит передвигаться на транспорте или бронетехнике (сверху), обязательно надевай. В данном случае тебе предстоит малоподвижный образ жизни. А это значит, что защита не помешает. Также будет не лишним ношение бронежилета при несении караульной службы. Одним словом, если тебе не предстоит плавать или далеко бегать –

носи, не стесняйся.

На законный вопрос «спасет или нет» отвечаю – спасет. Все бронежилеты, стоящие на снабжении общевойсковых частей, имеют пятый класс защиты. А теоретически это значит, что с расстояния десяти метров такой «броник» можно пробить только из СВД (кто не в курсе – снайперская винтовка Драгунова калибра 7,62 мм). На практике, конечно, по-разному бывает, но сломанные ребра и гематомы случаются во много раз чаще, чем проникновение пули через пластины бронежилета. Плюс ко всему, в бронежилете намного теплее в ветреную погоду. Так что носи. Через некоторое время привыкнешь, а без «броника» будешь чувствовать себя как голый на приеме у английской королевы.

Теперь, как и обещал, расскажу что такое БЭТЭРЫ. Как ты уже понял речь пойдет не о бронетранспортере. Речь пойдет о так называемом «окопном счастье», а именно – о бельевых вшах. Никто не знает, почему их называют БЭТЭРАМИ. Просто так повелось. Может быть потому, что эти насекомые наглые и живучие, как БТР? Не знаю. Если ты думаешь, что автор этих строк законченный чухан и свинтус, – ошибаешься. Я заслуженный санитар своего тела. Душ с бальзамом и ополаскивателем принимаю каждый день. От этих тварей не застрахован никто.

Официально в Вооруженных силах этой пакости нет с 1973 года. Ну а реально они есть везде. Эта гадость появляется из ниоткуда. Ей не страшны морозы и холода. Не страш-

ны высокие температуры. Погибает она только после термообработки в специальных машинах (шипящий контейнер на базе ГАЗ-66). Или после двадцати минут кипения в воде. Защитники флоры и фауны справедливо возмутятся по поводу уничтожения маленьких безобидных букашек. Те, кому пришлось с ними столкнуться, содрогнутся при воспоминании.

Все начинается вполне безобидно. Просто как только вы перестаете двигаться и становитесь на минуту статичны, возникает ощущение, что на вас кто-то живет. Сначала просто начинаете почесываться. Позже – чесаться (мы люди трудолюбивые, чесаться не лень). Потом еще сильнее. И наконец просто раздираете кожу ногтями. А если лежите в засаде или стоите в строю? Я уже не говорю о перспективе получения локального заражения.

Для того чтобы получить к массе своего тела довесок в виде пары сотен БЭТЭРОВ, не обязательно быть по жизни хрюшей. Нужно просто проходя мимо пораженного этой гадостью товарища лишь на секунду соприкоснуться одеждой. Все! Поздравляю! Теперь тебя много.

Живут эти твари в местах, где температура выше 37 градусов Цельсия. Есть на твоём теле такие места. Это там где одежда трется об кожу: подмышки, воротник, резинка трусов и т. д. На теле они не живут. Телом они только питаются. Осматривая себя, можно увидеть красные зудящие дорожки, опоясывающие тебя. За один день эти твари поражают лич-

ный состав целой роты.

Способ борьбы с этой напастью один – термообработка всего, что имеет тканевую основу. От кепок до палаток – единомоментно. По-другому никак. Постоянный контроль за кожными покровами позволит установить начало эпидемии и принять меры по локализации.

Вот так. А как ты хотел? Война – дело грязное! Следи за собой. Не реже одного раза в четыре дня приводи себя в порядок, независимо от обстановки и времени года. Для этого нужно ведро нагретой на костре воды и фанерка под ноги. Поливайся, намыливайся, смывайся и не смотри, что вокруг снег или грязь и температура в районе минус пяти. Блуди личную гигиену и требуй этого от подчиненных. Подшивайся каждый день и заставляй остальных. Короче, лозунг «Приехал на войну – живи как свинья!» – не для тебя.

На местном рынке ничего не покупай. Не смотри на то, что до тебя пять миллионов человек покупали здесь все, начиная от лепешек, заканчивая водкой. Целее будешь. История полна случаев, когда здоровые крепкие омовцы ни с того ни с сего умирали от сердечной недостаточности. Пока доперли, что такое «пакистанский яд» без цвета и запаха, было уже поздно.

По отношению к местному населению веди себя сдержанно. Помни, что даже на войне существуют законы, а военная прокуратура не дремлет. Четко уясни разницу между трофеями и мародерством. Грань между этими понятиями край-

не зыбкая. Трофей – это вещь, принадлежащая противнику, необходимая тебе для дальнейших действий в рамках приказа. Мародерство – это все, что было не твоё, а стало твоим. Уясни это твердо.

Ничего не поднимай с земли. Любая вещь может оказаться «сюрпризом». Колода карт, радиоприемник, детская игрушка, оружие. Пройди мимо. Лучше не рисковать. Вообще постарайся от нештатных боеприпасов держаться подальше.

Ходи сам и учи личный состав передвигаться только по проторенным тропинкам. По прибытию к новому месту развертывания перво-наперво оборудуй место общего пользования. Это просто. Яма и две доски сверху, положенные параллельно друг другу. И гвоздь в ближайшее дерево, чтобы оружие вешать. Иначе будут ходить, бросая автоматы в палатках. Если место общего пользования не оборудовать, ровно через три дня твои бойцы «заминируют» все вокруг, но это ерунда по сравнению с перспективой снятия растяжек и подрыва на реальных минах.

Если придется иметь дело с «полевкой» (П-274М), будь готов к тому, что придется постоянно сращивать порванные танками и другой техникой концы. Есть, правда, действенный способ: прокладка полевого кабеля на трехметровых рогатинах над землей. Конечно, демаскирует, зато надежно со связью. А о том, что вы здесь стоите, враги и так догадываются.

Особое внимание уделяй документам, подтверждающим

твое пребывание на войне. Это только кажется, что если ты получаешь боевую награду за конкретный подвиг, то ни у кого не возникнет вопросов по выплате тебе вознаграждения за этот период и подсчета выслуги день за три. На самом деле твоему финансисту глубоко по тулумбасу, кого и когда ты сурово спас (или завалил). И не потому что он «крыса тыловая», которая в теплом кабинете бумажки перебирала, пока ты кровь вещмешками проливал. А потому, что у этого наверняка нормального парня просто нет того самого командировочного удостоверения с твоей фамилией и периодом участия в боевых действиях. И ты ему не расскажешь, что использовал его в целях личной гигиены. Потом будешь доказывать через суд, портя отношения с командованием. Постоянно проверяй списки личного состава подаваемых в старший штаб как участников боевых действий.

Уезжая в мирную жизнь (отпуск, командировка), очень внимательно проверь, чтобы на тебе не осталось случайно забытого вооружения (типа ПЗРК «Стрела-2»). Тщательно осмотри карманы. Поверь, что даже автоматный патрон может стать предметом серьезного разбирательства с местными властями. И не думай, что средства имитации, дымовые шашки, сигнальные ракеты – просто сюрприз к Новому году. Это криминал. Поскольку имеют армейскую маркировку. Даже несмотря на то, что китайские аналоги более непредсказуемы и разрушительны.

Если едешь с оружием, обязательно проследи, чтобы все

до последнего патрона было внесено в командировочное удостоверение и скреплено печатью воинской части.

Приехав домой, сдай оружие в часть и иди с друзьями в бар. Но сначала оружие. Иначе к исходу вечера до тебя наконец-то дойдет, что вокруг находятся враги. И виновата в этом не выпитая водка, а более реальное чудо, переместившее всех врагов в один бар. Ну а что у нас делают с врагами? Правильно! Как говаривал один наш знакомый лидер, «мочат в сортире». Но сортир далековато (надо через весь зал пройти), а пистолет (автомат, пулемет, гранатомет) близко...

Ну и напоследок один совет – закончив войну, постарайся побыстрее войти в мирную колею. Это непросто. Постоянно себя контролируй на предмет алкоголя. Бери путевки в санаторий. Чаше отдыхай (имеется в виду не пахать в отпуске на даче, а лежать в шезлонге – смело выбирай второе).

– Ну что, еще по одной?.. – Джус, улыбаясь, смотрел на меня, а я ржал. Как лошадь Пржевальского. Прорвало. – Чо ты ржешь, я те говорю, если бы всем такие нотации перед поездкой читали, вполне может быть, гораздо больше хороших пацанов домой не инвалидами вернулось. Да просто вернулись бы домой. А ты ржешь. Правильно все летеха говорил, на понятном для них языке. Я смотрю, и для тебя понятном. Ладно, проехали. – Джус засмолил очередную. – Короче, худо-бедно оттарабанил я свои шесть месяцев. Не скажу, что было просто, но домой выдвигался при всех своих конечно-

стях и с грузом наличности в карманах. Неплохим таким грузом. На пару лет беззаботной жизни должно было хватить. Ведь там у всех так: либо дурак честный, но нищий, либо быдло русское, но богатое. Ты будешь смеяться, но именно вторых там уважают. Местные. Аборигены, мать их. Эти дети гор вообще только силу и хамло уважают. Сами такие. Да о чем это я? Вздрогнем? – Взгляд Джуса стал злым, зрачки сузились, а он сам, выпуская сигаретный дым носом, вообще стал похож на дракона. с – Ну, в общем, выдвигался весь в радужных мечтах, блин. А как же, сейчас приеду, обниму свою уж чуюток позабытую прелесть. Дерну сто холодненькой, из морозильника, а не как здесь, теплой, из фляги. А потом как вывалю ей на стол. Вот тебе квартира отдельная однокомнатная, как мечтали. Вот тебе машина, пусть не новая, но своя, наша. И вот еще чуюток осталось, ты же ателье маленькое хотела открыть. Да, мечты. Короче, вернулся я в часть, а комендант общаги мне ключ от комнаты протягивает, а сам, гниденыш, глазки прячет, в пол уставившись. А я, дурень полуконтуженный, и не замечаю этого вовсе. Весь в мечтах. Я говорю, моя-то дома? А он в ответ: нет пока. В смысле, вообще нет. Я очешуел, глаза вытарачил, грю, а где она. А эта крыса тыловая медленными шажочками в угол забила, и тихо так, мол, с Тимащуком в Москву уехала. Два месяца уже как. И вообще рога мои ветвистые уже пару лет как растут. Тут-то мне крышу и сорвало. Напрочь. Более-менее пришел в себя, когда вокруг опять стреляли. Завербовался на год. По-

том рассказывали, что и в Москву я ездил, и Тимашук, сука, заикой стал. Только веришь, нет – не помню. Ну что, по одной? Мир праху! Ну, конечно, тех денег, что поначалу были, уже не платили. Да мне и не нужно было. В той своей поездке я просто отрывался. Мочил все, что движется. И не движется тоже. В общем, отвел душу. Вот, приехал в Москву, думал квартирку прикупить. Небольшую, в Химках. Знакомый продавал. Вроде недорого. А тут армагеддец. Короче, навоевался я, ты понимаешь. По самое не хочу. А тут, как видишь, придется, когда приклад в плечо упрется. По одной? Ну, а теперь о жизни нашей брэнной. Когда здесь все началось, мы разбирали гаражи. Они там, сверху, решили, что пора бы садоводством-полеводством заняться. Мысль, в принципе, здравая. Только, как видишь, запоздавшая. А ты вообще видел, с чего нас бомбили? Щас угоришь! С двух ментовских вертушек! Блин, что они там на нас кидали, я не знаю. Но рвало очень даже. Гаражи разносило в клочья. Потом с двух транспортных вертушек прикатали десантуру свою. Тут им наши попытались показать ад с неприглядной стороны. А вот хрен там. Обученные волкодавы. Не чета нашим. Урыли наших так, что ошметки с деревьев никто смывать не возьмется. Но одного мы все-таки взяли. Завтра покажу. Пообщаетесь. Если, конечно, желание есть. Короче, наших положили штабелями – и с контрольными в голову. Ну, у кого она на плечах осталась. Мы, ясный перец, кто куда. Дураков нет. Правда, кто чего, но кое-что из пуля-

лок прихватили. Залегли недалеко. На крыше пивнушки. Ну, ты понял. Смотрим, а эти обормоты, времени зря не теряют. Еще по одной? Поехали, Албанец мы помним! Сделали транспортники еще несколько рейсов, рабочую силу привезли. И заметь, ментовские вертушки небо так и не очистили. Сдается мне, снайперы у них там глаза в окуляры проедали. Мы, понятное дело, тише воды ниже травы, нос не кажем наружу. Поставили эти гады оцепление ровняком до нашего склада мародерки. Работяг цепочкой построили, и давай наше барахло дербанить подчистую. Честно прихватизированное барахло. Жутко хотелось всех их там покончить на месте. Но, во-первых, сдается мне, кончили бы нас по первому выстрелу, а во-вторых, эти грузчики неприкаянные в чем виноваты?! Короче, лежали мы и молчали в тряпочку. Они дозагрузились, несколько ходок пришлось налетывать, и так же целенаправленно убрались восвояси. Но было одно маленькое «но». Выдра, ну ты помнишь Выдру, он тебя сюда препровождал, да и виделись уже. Почему Выдра? Ну, это он десантник-подводник был. Когда-то. «Морской котик» ему не нравилось. Так, говорит, англоамериканские полипы себя называют. Кто-то ляпнул «выдра». Прилипло. Ну да не о том. Короче, он пива упившись был. Ну и сам понимаешь, природа давала о себе знать. Не выдержал. Сполз вниз и за угол. И здрасте, там такой же природой обиженный, только с той стороны. Ситх, короче. Выдра – парень не промах, мог бы и сразу языка повязать. Но. Природа слишком долго просила

своего. В итоге стоят они вдвоем, сильно напряженные, и поливают стену. При этом очень недобро косятся друг на друга. Но ситх залетный начал раньше. А значит что? Закончит тоже раньше. Так и вышло. Но Выдра не дурак. Успел схватить его за перископ. Тот глаза вытаращил, но молчит. А Выдра ему ласковым таким шепотом: «Даже если успеешь выстрелить, все равно любить тебя будет только Боря Моисеев». В итоге так его и повязал. Самое интересное, что на той стороне никто не заметил потери бойца. Дисциплинка, блин, на уровне. Повторим? Принято. Вот от него-то мы и узнали некоторые подробности. Чуть позже, конечно. И знаешь что? У нас здесь жила крыса. Крыса нас сдала с потрохами. Кто, где и чем стреляет. Так-то. Кто, он не знает. Нет, спрашивали мы дотошно. Поверь, есть специалисты. Не знает. А посему есть у меня до тебя две новости. Прямо как в сказке. Хорошая и плохая. С какой начать, спрашивать не буду. Начну сам, с плохой. Они еще вернутся. Тешут, понимаешь, они себя новыми надеждами. Вернуться тупо за народом. За рабами вернуться. Суки. Но, как ты помнишь, есть и хорошая новость. Мы знаем, когда. Мы знаем, на чем и какими силами. Мы подготовимся. Как тебе такой расклад? Конечно, козыречки у нас так себе, но ведь может и выгореть. Ты представляешь, вертолет! Горючка есть, не парься. Ты сможешь за своими слетать. Кстати, ты не спросил, я не сказал. Лада здесь. С ней все в порядке. Ты чо, дурак, куда сейчас-то. Спит уже давно. А себя ты видел? А нюхал? Вот и я о том же.

Завтра, нет, точнее сегодня с утраца в душ, потом завтрак, а потом уж к Ладе. А вообще, между нами, девочками, ты уже придумал, что жене скажешь? Где ребеночка нагулял? Да ладно. Шучу я! Шучу! Давай по последней – и в койку. Точнее в мешок. На твое счастье, пока еще спальный. Ну сказал же, шучу! Ну, поехали!

Вот такой у нас получился той ночью разговор. И, завернувшись в спальный мешок, я засыпал впервые на этом острове счастливый. Появилась, пусть и смутная, надежда увидеть, найти своих. Лада жива. А уж где я ее нагулял, мне и придумывать не придется. За нас все придумал этот новый мир. Этот смертельно опасный мир.

База №333. 22 января 2015 г.

**Выдержка из дневника. Москва, 06 марта
2017 г.**

Полковник

Просыпаться – это, как по мне, болезненно. А когда на тебя смотрит Джус, уже свежесбритый и улыбающийся, – это вообще смерть.

– Кофе хочешь?

– Хочу! Но сначала очень хочу задушить удава в отдельно запирающейся кабинке. Где, Джус, ГДЕ?! А ты слышал этот прикол? Товарищ прапорщик, а что такое логика? Ну-у, как тебе объяснить... Вот видишь, на горе стоят два сортира – один синий, другой деревянный. Вот и вся наша жизнь так – рождаемся, живем и умираем. Логично? Логично... Сволочь

ты, Джус, где синий или деревянный? Где, блин, твоя логика?

Джус чуть не удавился от хохота.

– Прямо, налево, не промахнешься! – и уже в спину: – Но может быть очередь.

Споткнувшись, я чуть не устроил ему озеро Лох-Несс с доставкой на дом. Так себе утро получилось. Хотя кофе был очень даже.

А вот детей они устроили по-царски. Ну, в этом мире и цари должны бы быть попроще. В сухой подвал многоэтажки стащили, наверное, все уцелевшие кровати из всех соседних домов. Электричество, так что ночники не гасли. Большая столовая, больше похожая на уютное кафе. Хотя в прошлой жизни оно и могло быть им. Неважно. Унитазы с прямой прорубкой в канализацию. Без воды в бачках, но все равно удобно. Скажете, а к чему такие подробности? Так попробуйте сами организовать такое за два дня. На руинах. Когда только злость в глазах. И более ста детей за спиной. Слабо? А им, оказалось, нет. Поэтому я, тихо офигевший, описываю увиденное.

Лада увидела меня издалека. Бросилась на шею. Джус стоял и улыбался. Но как-то по-доброму, как-то по-грустному. Я же не мог разобраться в своих чувствах. Видимо заметив это, Джус махнул рукой, отпуская воспитателя, и, приобняв Ладу, скорее прохрипел, чем сказал:

– Отдельную палатку для вас поставили. На довольствие

тоже так. Поставили, – и уже лично мне: – У тебя два часа, потом сбор у меня. До встречи!

Развернулся и ушел. А мы остались. Замерли. Потом сначала пошли, а потом побежали. Просто побежали на встречу солнечному свету.

Свою палатку нашли легко. Она стояла чуть ли не стенка к стенке с палаткой Джуса. Я перетащил свои небогатые пожитки. И мы ели сникерсы, болтая ни о чем.

Задача проста и трудна одновременно. Джус вдохновенно водил черенком от швабры по листу А1 с изображением нашего острова и вполне уверенно вещал.

– Мы знаем, что предполагаемое время атаки 15:30 через двое суток. Если здесь есть дебилы, послезавтра. Следуя их тактике, а я уверен, что менять они ее не будут, просто незачем, я предлагаю следующее. Ментушкам бомбить нечего. Они просто берут контроль воздуха. Мы позволяем принять земле транспортники. С окрестных высоток контролируем – аккуратно контролируем, это для Кечетова – высадку десантуры. Далее по минутам. Первая пошла. Из моего шалаша выходят пять очень-очень мадамов. Че разорались?! Все уже обговорено. А чтоб оралось поменьше, сами задумайтесь, от кого будет зависеть их жизнь. Доступно изъясняюсь? Тогда поехали дальше. Короче, они выходят, и все внимание к ним. Кечетов, ты понял? Это ТВОЙ шанс. Работашь на полное поражение. Задачи у тебя две. Раз – тоталь-

ная и быстрая зачистка. Два – ни в коем случае не попасть в транспортник. Ты понял? Ни в коем случае!

Нет, ну чо вы разорались! Девчонкам выкопаем хороший блиндаж. Ты, Кечетов, не ори, как только ты начнешь работу, они сразу туда. Конечно, замаскируем! Надеюсь, вопли прищемивших пипиську ширинкой закончились? Хорошо. Поехали дальше.

Вторая минута. Выдра, ты подобрал себе состав? И это хорошо. Тебе и твоим парням придется ой как несладко. Пока наши героические нимфы и команда Кечетова будут заниматься группой десанта, ты берешь под контроль транспортник. Там два человека охраны. Решаемо, говоришь? А то, что под пулями тебе придется устранить их и взять без мордобития пилотов, тебя не пугает? Ну, на нет и девственниц нет. Проехали.

Третья минута. Самое оно. Спрашиваю сразу: кто дружит с мухами?

Я и еще двое задирают руки.

– Это хорошо, что вас трое. Почему? Элементарно, Ватсон. МУХ у нас ровно три. Я так предполагаю, на третьей минуте среагируют ментушки-вертушки. У нас, как вы поняли, будет только три залпа, чтобы отправить их в полет к земле. Забыл спросить, все умеют считать до трех? Ну и ладушки. Но здесь есть кой-какая неувязочка. Это касается вас, мухобои. Сбивать вертолеты нужно на подлете, дабы они не рухнули на наши грешные головы. И на нашу законную

добычу. Сдюжите? Ну и ладненько.

Вопросы? Вопросов нет. Ближайшие 24 часа все относительно свободны.

Тут палец Джуса уперся мне в переносицу:

– А Вас, товарищ, я попрошу остаться.

Когда все вышли, Джус перевернул стул спинкой к себе, взгромоздился на него а-ля ковбой и смачно прикурил сигарету. Не знаю, как так у него получилось, но я следом тоже засмолил «трофейную» мальборину. Джус поерзал на стуле, типа устраиваясь поудобнее, прищурился, затягиваясь, покосился задумчиво на меня и выдал порцию информации для размышления.

– А знаешь что? Я тут пока эту блаблатень нес, вспомнил одну историю. Был у нас в роте Вовка очкарик. Пальцев рук своих на вытянутой руке не видел. Как думаешь, кем службу тянул? Правильно! Снайпером! Кстати, стрелком был от бога. Только по поводу оптики были у него свои приблуды. Но не о том. Хохмач был редкостный. Но особо не любил американцев. Ну, уж не знаю, за что. Истории ржачные про них собирал. Часами мог рассказывать. Заслушаешься, если от смеха не уделаешься. Ну так вот сама история.

В начале 80-х годов теперь уже прошлого века в США при регламентных работах по обслуживанию одной из стратегических ядерных ракет монтажник умудрился уронить

в шахту гаечный ключ (раздолбай, конечно – кто же работает на высоте с непривязанным ключом?). В результате дырка в топливном баке и утечка ракетного топлива – жутко ядовитой и взрывоопасной дряни. Естественно, эвакуация персонала, автоматическое отключение всей электрики и т. п. Долго совещались, что же делать дальше, наконец, дня через три, решили попробовать провентилировать шахту. Попробовали и, конечно же, оно звездануло, да еще как! Стальную крышку метровой толщины, забетонированную в устье шахты и рассчитанную на ядерный удар, вырвало с корнем и, как жестянку, закинуло за несколько километров от места действия. Но этим дело не кончилось: боеголовку ракеты с ядерным зарядом тоже выкинуло из шахты. Нашли ее в 400 метрах от шахты, зарывшуюся в землю на шесть метров. Что характерно, боеголовка не взорвалась только случайно – когда ее откопали и исследовали, то обнаружили, что осталось целым только одно из четырех предохранительных устройств. Такие вот последствия от скромного гаечного ключа, и, думаю, не одна голова поседела (и полетела).

Я посмеялся от души, а Джус, прикуривая очередную, продолжил:

– Это я к чему? Ядерных боеголовок у нас здесь нет. Да и шахт, наверное, тоже. Но! У нас здесь полно колодцев разных. И совсем не обязательно это каналья. Я предлагаю снять с них чугунные крышки, а положить покрашенные

в цвет фанерные. Зачем? А ты откуда своих «мух» запускать собрался?

Я почесал макушку, пожал плечами:

– С балконов, наверное...

– Вот! – Джус аж подскочил. – А как ты думаешь, чем будут заняты снайперы в ментушках-вертушках? Правильно! Эти самые балконы да крыши выцеливать. Да и потом, ты уверен, что попадешь или успеешь попасть с такого расстояния? Гвоздить-то их надо будет на подлете. А это, как ни крути, приличная дистанция. Да и они отвернуть могут успеть. А так ты откидываешь фанерку и, аккуратненько высунувшись, отправляешь подарочек им под брюхо. И заметь, это брюхо практически над твоей головой. Мало того что так и криворукий косоглаз хрен промахнется, так еще и эти засранцы не будут готовы отстрелить тебе все, что им покажется лишним на твоём брэнном теле. Ты же, спокойненько отдулившись, опускаешься обратно в свое мрачное подземелье. Ну, как тебе идеяка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.